Der Bote

Pfingstsonntag der Hl. Dreieinigkeit.
1. Troipar des 9. Liedes des 2. Kanons des Johannes Arkläs.

Zu singen geziemt sich der lebenbringenden Braut.
Denn einzig sie hat im Schoße verhüllt das Wort, das da heilt der Sterblichen kranke Natur.
Es sitzet nun zur Rechten des Thrones des Vaters und hat uns gesandt die Gnade des Geistes.

der deutschen Diözese
der Russischen Orthodoxen
Kirche im Ausland

3 1993

Послание Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей

Христос Воскресе!

Из Богородицкой Леснинской Обители во Франции, мы, епископы Русской Православной Церкви Заграницей, шлем всем верующим православным людям на родине нашей и здесь, за рубежами ея, Пасхальное приветствие и благословение.

Впервые наш Собор открылся в этом монастыре. В церкви, в которой мы заседаем, с нами пребывают три святые чудотворные иконы Пресвятой Богоматери: Одигитрия наша Коренная Курская, Мироточивая Монреальская Иверская и святыня обители – Леснинская икона Пресвятой Богородицы. На благодатную помощь Владычицы мира мы и уповаем.

Отрадно подчеркнуть, что благодать Святого Духа собрала нас здесь для дела церковного еще до отдания Пасхи, когда еще поется: *«Радостью друг друга обымем... Простим вся Воскресением»*. И это в такое время, когда события на Родине сделали возможным наше общение с соотечественниками.

Слышатся нам слова св. Апостола Павла: *«Не забывайте благотворенія и общительности, ибо таковыя жертвы благоугодны Богу»* (Посл. к Евреям, гл. 13, ст. 16).

Десятилетиями свободная часть Русской Православной Церкви молилась за каждым богослужением *«О еже избавити люди своя от горького мучительства безбожныя власти»*, – и вот, казалось бы, внешняя ее личина действительно отступила. Но это отступление принесло Русской земле и ее народу много новых испытаний. Как на духовном, так и на материальном уровне, мы наблюдаем множество противоречивых явлений. Естественно, они вызывают противоречивые реакции и среди чад нашей Церкви как на многострадальной родине, так и за ее пределами.

Открывшимися возможностями необходимо воспользоваться, но в то же время апостол предупреждает: *«Смотрите, поступайте осторожно, не какъ неразумные, но какъ мудрые»* (Посл. к Ефесеям, гл. 5, ст. 15).

За последние годы мы не раз призывали к покаянию и очищению от страшных последствий безбожного гнета, и эти наши призывы были обращены ко всем чадам нашей Церкви где бы они ни находились. Ныне мы слышим покаяние в словах отдельных иерархов Церкви на родине и видим очищение – в мужественном перенесении новых испытаний и трудностей. К чему мы должны стремиться в этих обстоятельствах?

Зовут нас к слиянию с Российской Церковью. Это желание и наших сердец. Но... пришло ли время для этого священного акта? Нет, не пришло. Ибо в России все еще господствует советская власть, прикрывающаяся словом «демократия».

Высказывания некоторых иерархов об уже приобретенной там Церковью свободе – это ничто иное как повторение тех же слов, которые слышали мы в прежние времена безбожного режима. Церковь там все еще не свободна – она на пути борьбы за свою свободу. Антихрист все еще бродит по Российской земле. Самое для него страшное, это – Православие. Его он боится, особенно боится он «Русского Православия». Не одолели его террором, не взяли «идеологией», применяют ныне новые способы к его уничтожению: дали свободу – свободу в понимании этого слова правителями Запада и социалистических стран, свободу языку, свободу разврату, преступности, сектам, анархии; это свобода к убийству личности, к духовному и физическому убийству нации и государства... Должно отметить, что этот смрадный, ядовитый поток свобод направляется в Россию мировым центром зла.

В этой обстановке мы сознаем, что пора объединить все силы для того, чтобы Церковь Православная могла занять подобающее ей место в жизни Русского народа, а вслед за ним и других народов. Несмотря на неустойчивость политической и экономической обстановки в нынешней России нам представляется исключительная возможность – подняться всему Русскому народу на духовный уровень истинного Православного христианства, и этим возвести Россию на то величие, которое предвидели ее пророки, выдающиеся мыслители и писатели.

В мучительный процесс возрождения Русского Православного народа Русское зарубежье может внести свой опыт, если оно само полностью примет и признает церковную истину как единственную основу своей жизни. Такое отношение было естественным для Русского человека прежних веков. На этой почве выросли духовные богатыри, создавшие Православную Русь – от Митрополита Илариона,

св. Александра Невского, Димитрия Донского, до преп. Серафима Саровского и праведного Иоанна Кронштадтского. Этими же соками должны питаться и мы.

Мы видим в наши дни, в какой мере политические страсти способны разделить Русский народ. Эмиграция это испытывала в первые десятилетия своего существования за пределами родины. Теперь в России или в бывшей России уже неизвестно, где чья родина. Смешаны все понятия. В этой обстановке мы сознаем, что надо положить новое начало и ради этого искать новые пути. При этом никто из нас не смеет стать в позу судьи. Мы все должны ознакомиться с извилистыми путями церковной жизни при небывалых условиях XX века, учиться на ошибках и падениях как отдельных лиц, так и целых групп. Из анализа этих событий нам необходимо сделать свои заключения и выйти очищенными из тяжелого опыта нашего времени. Раны, нанесенные Русской Церкви во время 200-летнего бытия без патриарха, еще не были изжиты, когда ее постигло новое горе. Этим только может объясниться неправильная реакция большинства епископата и духовенства на февральскую революцию, открывшую путь к кровавому октябрю.

Русская эмиграция духовно перерабатывала эти проблемы в самых разнообразных условиях своего существования в странах с разными формами политического управления и культурного наследия. Она смогла сохранить в себе Православную веру, культуру и быт и даже передать ее стремящимся к истине представителям тех народов, среди которых она живет. Русский народ на родине тем временем знал только одни гонения на Истину и на все благое.

Мы отчетливо чувствуем в современном мире действие системы зла, контролирующей общественное мнение и координирующей действия по уничтожению Православного христианства и национально устойчивых народов. Большевизм в России еще не пережит. Его суть и его страшные последствия для человеческих душ еще не переработаны. Ввиду этого, перед Церковью в России открываются все новые и новые проблемы. Упомянем только одно массовое стремление к святому крещению. Чем оно вызвано – не модное ли это явление? Как могут священники подготовить к крещению огромное число людей, не прошедших никакой катихизации? Как они могут правильно, по-православному, совершать таинства и требы от крещения до отпевания, когда этому препятствовали до недавнего времени внешние силы, сменившиеся теперь уже привычкой священнослужителей и мирян?

В наше время, когда в Россию нахлынули всевозможные отрицательные явления с Запада – от нравственного разврата до духовного в виде сектантских лжеучений – надо слить воедино разный опыт всех частей Русской Православной Церкви. В откровенном обсуждении мы должны подготовить почву для свободного подлинного и плодотворного Всероссийского Собора. Наша задача не может заключаться в осуждении ближнего, а в поиске путей к обновлению Единой видимой Русской Православной Церкви.

Продолжим же молитвы наши об избавлении отечества нашего и Церкви нашей от всех козней безбожнических, от растления юношеских и детских душ и прочих соблазнов, включая попытки оторвать русских людей от корней Православия и даже христианства.

Имея Истину, мы имеем благодать, которой мы живем, дышим, наслаждаемся. Любое отступление от Истины есть отступление от Христа. Мягкие слова, боязнь «обидеть», есть т. н. дипломатия, которой нет места в жизни Церкви. Мы сегодня находимся на поле брани. Отступая от Христа, мы бы лишали себя дыхания, исходящего от Истины, т. е. благодати. Без благодати же человек не в состоянии бороться против того зла, которое стремится погубить Россию и вообще Правду в мире сем.

Помолимся и о братских нам народах православных, особенно же о столько пострадавших ныне сербах, с которыми нас связывает союз взаимной любви и благодарности.

И наконец, да распространится повсюду, среди различных народов под небесами, *богоразумия нетленный свет* (литургийная молитва пред чтением Евангелия).

Благодарение Богу, апостольский миссионерский подвиг святителей русских принес свои плоды и не изгладится из летописи Церкви Христовой!

Архиерейский Собор призывает ныне наш боголюбезный клир и паству возблагодарить Бога за предстоящее в 1994 году, в юбилейный год 200-летия Православия в Америке, торжество прославления трех святителей русских, умиляющих сердца верующих своим житием и деятельностью. Новопрославляемые угодники Божии, о которых здесь речь, это Митрополит Московский Иннокентий, почивший в 1879 г., с юношеских лет просветитель Алеутских островитян и других аборигенов Западной Америки, и его младший современник, апостол Японии, Архиепископ Николай, скончавшийся в 1912 году, и, наконец, наследник их духа и подвига, архиерействовавший в Азии, Европе и Америке, святитель Иоанн, бывший Шанхайский, а затем Западно-Американский и Сан-Францисский, почивший в 1966-м году.

Первые два архиерея насаждали Православие по обе стороны бассейна Великого Океана.

Святой Иннокентий, бесстрашно бороздивший эти воды в байдарке, еще будучи священником Иоанном Вениаминовым, автор как в прямом так и в переносном, духовном смысле: «Указания пути в Царство небесное».

Святитель Николай, всего себя принесший в жертву любви за основанную им, рожденную водою и Духом Святым Японскую Церковь. Воистину это святые отцы и учители Церкви XIX и XX веков!

Святитель же Иоанн, соработник на ниве Христовой первосвятителей зарубежья, Митрополитов Антония, Анастасия и Филарета, все земное вменивший за сор, чтобы приобрести Царство Небесное, не знавший сна на ложе, чтобы и теперь бодрствовать над нами, ежедневно причащавшийся Тела и Крови Христовой, и так пребывая со Христом и во Христе, миловавший и исцелявший требующих его молитвенной помощи, и подобно первым двум святителям прошедший путь свой так, что многие народы любили его как своего, совсем близкого им.

Взирая на житие этих прославляемых ныне Святителей Русской Церкви, мы очень надеемся, что своими молитвами они укрепят наших нынешних архипастырей и пастырей для того, чтобы столько страдавший за истекшие годы корабль свободной части Русской Церкви укрепился в своем пути по бурным волнам моря человеческих страстей. По их молитвам и молитвам Новомучеников Российских Господь да даст нам для спасения наших душ ясно видеть, где правда Божия и каков должен быть наш путь ко спасению в нынешнее смутное время.

Май 1993 г.

Митрополит Виталий
Антоний, Архиепископ Южно-Калифорнийский и Лос-Анжелосский
Антоний, Архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский
Лавр, Архиепископ Сиракузский и Троицкий
Алипий, Архиепископ Чикагско-Детройтский и Средне-Американский
Марк, Архиепископ Берлинский и Германский
Варнава, Епископ Каннский
Иларион, Епископ Манхеттенский
Кирилл, Епископ Сеатлийский
Митрофан, Епископ Бостонский
Епископ Григорий

Свят. Григорий Богослов – На святую Пятидесятницу*

В конце всенощного бдения, после возгласа «*Слава Тебѣ, показавшему нам свѣтъ...*», мы слышим Великое Славословие. Начиная со слов Ангелов при Рождестве Спасителя: «*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ...*», здесь молитвенно разворачивается обращение к Богу-Отцу, Богу-Сыну, Богу-Духу Святому, завершающееся Трисвятым: «*Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ*». В праздник Пятидесятницы перед Славословием поются стихиры, взятые из проповеди Святителя Григория Богослова (330–390 г.), которую он прочел в самый год II Вселенского Собора (381 г.), где к Вероисповеданию были добавлены слова про Духа Святого как «*Господа Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки*». Ниже мы печатаем текст стихир на церковнославянском, и выдержки из проповедей Святителя, надеясь на открытое сердце читателя, который хочет вникнуть и научиться.

Святая Троица! Это – Сам Бог. Так открыл нам Бога – Иисус Христос, так открывает нам в Церкви Святой Дух. Здесь – сердце Православия. Но только когда мы ценим святыню, очищая ум и сердце, раскрывается дар Христов, живущий в нас.

Христос – греческое слово: Помазанник (гр.: «хрисма»=помазание). При Св. Крещении мы получаем и помазание Святого Духа. Многократно повторяет священник слова «*Печать дара Духа Святаго. Аминь*» и помазывает священным миром (благоуханным маслом) лоб, глаза, ноздри, уши, уста, грудь, руки и ноги. Это таинство совершается лишь один раз в жизни, как и Крещение. Природные дарования наших чувств, ума, сердца и действований запечатлеваются Святым Духом и преображаются: отныне наши способности открыты к восприятию Царствия Божия, которое есть жизнь в Духе Святом. Мы тогда уже не чужие Святому Духу, и Он нам не чужой.

Христос говорил о Святом Духе: «*Онъ прославитъ Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ; все, что имѣетъ Отецъ есть Мое*» (Иоан. 16, 14–15). О Своем отношении к

*Извлечения из слов 41, 37, 34, 22, 20, 15; см. «Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского», том 1, СПБ 1911; указание страниц см. в тексте. Помимо скобок, вызванных сложным греческим стилем Святителя, мы даем кое-где пояснения в прямых скобках.– *Ред.*

Отцу Христос-Господь говорил: «*Сынъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго... Ибо Отецъ любитъ Сына и показываетъ Ему все, что творитъ Самъ*», и поэтому «*искали убить Его Іудеи за то, что Онъ ... Отцемъ Своимъ называлъ Бога, дѣлая себя равнымъ Богу*» (Иоан. 5, 18–20). Тот же св. ап. Иоанн Богослов пишет в послании: «*пребывающій въ ученіи Христовомъ имѣетъ и Отца и Сына*» (2 Иоан. 1, 9). «*Что мы пребываемъ въ Немъ и Онъ въ насъ, узнаемъ изъ того, что Онъ далъ намъ отъ Духа Своего*» (1 Иоан. 4, 13). Без Духа Святого невозможно хранить верность учению Христа, сказавшего «*Кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца*» (Иоан. 5, 23), или различать *духа истины и духа заблужденія* (1 Иоан. 4, 6). Верность эта – делание, приобретение Царствия Божия или – что то же – «стяжание Духа Святого»[1].

Невозможно развивать дар Духа Святого, пренебрегая поучением о Боге. Мы пренебрегли бы как раз тем, за что был распят Христос. А Он ведь именно в силу Своего сыновства обетовал «*Утѣшителя, да пребудетъ с вами во-вѣкъ, Духа истины, Котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ Его и не знаетъ Его; а вы знаете Его, ибо Онъ съ вами пребываетъ, и въ васъ будетъ*» (Иоан. 14, 17).

Что же точнее значит «*все, что имѣетъ Отецъ есть Мое*», или: «*Отецъ, Слово и Святый Духъ; и сіи три суть едино*» (1 Иоан. 5, 7)?

В имени Отец содержится присутствие Сына, а в имени Сын присутствие Отца. Как слово «Отец» уже предполагает – Отец кого? – а ответ один: Сына; так и в слове «Сын» предполагается, что это именно чей-то Сын, Сын кого-то определенного. Причем, «сии наименования, как у нас показывают близость и сродство, так и там означают соестественность Родившего с Рожденным»[2]. А вместе с тем явно: Личности – разные, т. е. Сын не Отец, Отец не Сын.

Конечно, здесь исключены все низменные понятия. К примеру, нельзя Бога вечного и вездесущего заключить в пространственно-временные категории; это значило бы сузить, уменьшить, унизить, извратить... А этим мы нарушили бы не какие-то философские положения, но слово Христа-Спасителя!

Нельзя давать уму соскользнуть на представления о «рождении» Сына или «исхождении» Духа как происходящие во времени, ведь тогда Сын не мог бы быть Творцом времени, ибо – явившись после – был бы уже подчинен времени. Но вечность – для Бога, как для Отца, так для Сына и Духа – плод личностной любви, свободы, а не просто природное божественное качество. Это видно в том, что с одной стороны Сын и Дух называются совечными, собезначальными Отцу, но с другой стороны подчеркивается, что Отец остается единственной Первоосновой, в чем заключается личностная неповторимость и личностное единство. Это очень важное положение: Бог-Отец – единое «начало» (в смысле: Причина, Виновник личностного бытия). Никакой двойственности здесь не может быть – в этом смысл того, что Дух только *отъ Отца исходитъ* (Иоан. 15, 26), и отличие от западного вероисповедания, в которое позже внесли «от Отца и Сына» (= filioque). Нет двуначалия, а также счет троих возможен лишь на фоне единства Божества, ибо совершенно невозможно арифметически считать то, что совершенно неповторимо и личностно. Поэтому Троица не три Бога, не три Отца, а один Дух, и один Сын Единородный, ибо один – Отец. Но Отец – совершенный Бог, и совершенный Бог – Сын, что и открывается совершенным Богом – Духом Святым. *Духъ есть Богъ* (Иоан. 4, 24), и поэтому же: *Богъ есть любовь* (1 Иоан. 4, 8).

Христос явил ту истину, что Бог есть любовь, именно в связи с учением об Отце, Сыне и Святом Духе. Именно в Троице – любовь, которую имел в виду Сам Христос. Единый вовсе не обязательно должен быть одиноким, т.е. Богом «скудным» и «нелюбообщительным» (по Св. Григорию). Единство – не обязательно одиночество. Бог есть любовь. Конечно, неприемлема множественность, вводящая многобожие. И вот, вопреки обеим крайностям, именно в Троице яснейшим образом Бог есть любовь.

Все качества Бога, все божественные свойства у Отца и у Сына, и у Духа – те же. Сущность, природа Бога – одна: «Сущность же Божия есть то, что единому Богу принадлежит и Ему свойственно»[3]. Божество – едино. Но Отец при этом не просто тождествен Сыну. Про «отличительный признак ипостасного (т. е. личного) свойства», Св. Василий говорит даже, что Сын «по отличительным Своим признакам не имеет ничего общего с Отцом или с Духом Святым, но один познается по упомянутым признакам. А '*сый надъ всеми Богъ*' (т. е. Отец) один имеет тот преимущественный признак своей ипостаси, что Он Отец, и бытие Его не от какой-либо вины (т. е. причины); а по сему опять признаку Он собственно и познается»[4].

Любовь-свобода-Личность. Не только общая природа – одна, но и на уровне Лиц одно Начало (единоначалие, греч.: «монархия»). Личностное бытие тем и определяется, что оно сознательно, неповторимо, уникально, единственно. Отец именуется Первопричиной бытия в Троице, поскольку к Отцу относится

Сын (рождением), относится и Дух (исхождением): «свойства Бога-Отца и Его Сына не взаимозаменяемы, поскольку единственный источник пресущественной Божественности – это Отец»[5]. Отец – начало именно самого личностного бытия в Боге-Троице. А также Отец – основа общности бытия, божественной природы (естества), сущностного единства. Тогда «естество» видится уже не как абстракция божественных качеств, а конкретно как самое живое личностное общение. Ибо Лица Троицы – не функции общности (природы) и проистекают не из некоего общего, но из самобытности (ипостаси, личности) Отца!

Св. Григорий Богослов, отвечая на возможные ошибки и недоразумения, говорит: «Отец есть имя Божие, не по сущности и не по действию, но по отношению, какое имеют Отец к Сыну, или Сын к Отцу... Но пусть будет слово 'Отец', в угодность вашу, означать и некоторую сущность; тогда, по общим понятиям и по силе сих наименований, Он введет с Собою и Сына, а не отчуждит Его. А если угодно, пусть будет именем по действию; и в сем случае не переспорите нас. Мы утверждаем, что сие самое, то есть единосущие, и было действием Отца; или иначе понятие о таковом действии заключало бы в себе нелепость»[6].

Если природу Божию нельзя мыслить вне трех Лиц, то и три Лица нельзя мыслить в отдельности, ибо каждый из Трех содержит в себе целого Бога. Ипостаси находятся одна в другой, сопребывая друг другу и проникая друг друга: Отец, Сын и Святой Дух не существуют один вне другого. Бог существует как полнота Личности, которая любит и которая любима. «*Отецъ любитъ Сына...*», а Сын любит Отца так, что полностью раскрывает Отца в Себе. Поэтому Христос говорит: «*видѣвшій Меня видѣлъ Отца*» (Иоан. 14, 9), а Апостол именует Сына «*сіяниемъ славы и образомъ ѵпостаси Его*» (Евр. 1, 3). По этому поводу Святый Василий Великий говорит: «Сын тождествен с первообразным, хотя и Иный» (т. е. иная Личность). Мысль эту он развивает так: «усматривается в Них некое непрерывное и нерасторгаемое общение... нет ничего между Ними вставного, ни чего-либо самостоятельного и отличного от Божия естества... Но кто представил в уме Отца, тот представил и Его в Нем Самом, и вместе объял мыслью Сына. А кто имеет в мысли Сына, тот не отделяет от Сына и Духа... И кто наименовал только Духа, тот в сем исповедании сообъемлет и Того, Чей это Дух... не возможно представить мысленно какого-либо сечения, или разделения, так чтобы или Сын представляем был без Отца, или Дух отделяем от Сына; а напротив того находим между Ними некое неизреченное и недомыслимое как общение, так и разделение; ни разность ипостасей не расторгает непрерывности естества, ни общность сущности не сливает отличительных признаков». Поэтому нельзя «отделять Единородного каким-нибудь разлучающим расстоянием от бытия Отца, но [надо] вместе с Виновником представлять всегда и сущее от Него», и это «не потому, что Единородный не имеет ипостаси, но потому что в единении Своем со Отцем не допускает ничего посредствующего; почему устремивший душевные очи на образ Единородного имеет мысль об ипостаси Отца, не в следствие изменения или смешения созерцаемых в Них отличительных свойств – или в Отце представляя рожденность, или в Сыне нерожденность, – но потому что оставшийся, по отделении Одного от Другого, не может быть представляем один Сам по Себе. Ибо не возможно, чтобы наименовавший Сына не имел мысли и об Отце; потому что именование сие относительно (т. е. по отношению) указывает и на Отца». К этому Святитель добавляет: «всецелый Сын в Отце пребывает, и опять имеет в себе всецелого Отца, так что ипостась Сына служит как бы образом и лицом к познанию Отца; и ипостась Отца познается в образе Сына, тогда как остается созерцаемое в Них отличительное свойство к ясному различению ипостасей»[7].

Итак, в Христовом учении о Пресвятой Троице – величайшее откровение о личностном и живом Боге, который есть Любовь. Но оно-то и дарует нам откровение о творении и о человеке, спасаемом не в перспективе биологической особи и рода или же социологического индивидуума и коллектива, а в перспективе неповторимости Личности и ее общения. Христос Сам был живым откровением этого – будучи совершенным личным Богом, Он как един от Троицы стал Богочеловеком. Здесь корень нашего спасения: Бог личностный, ибо троичный – основа и полнота нашего личностного бытия, неповторимости и ценности нашей личности, ее конкретной вечности в любви. Мы становимся личностями в таком общении с таким Богом. Христос-Помазанник отверзает нам двери к такой личностной любви, именуемой Царствием Божиим. Так мы приобретаем в Нем жизнь превосходящую: Церковь как Тело Христово, зиждемую Духом Святым, а свою личность как «образ и подобие Божие». Только такая любовь заслуживает название любви, которая соблюдает эту истину Личности и раскрывает ее как истину. Это – слава истинного Бога; или, говоря иначе, Право-славие.

Святые Отцы защищали это истинное учение о Троице и Личности, как основу полноты жизни в богочеловеческом измерении, устраняя всякую крайность и не теряя ни одного слова Христова или Апостольского. Вот почему мы предлагаем читателю нелегкий труд чтения текстов двух церковных песнопений, которые он услышит на праздник Троицы, и самое слово Св. Григория Богослова. **Н.А.**

Дх҃ъ ст҃ый бѣ оу҆бѡ прі́снѡ, и҆ є҆́сть, и҆ бꙋ́детъ: нижѐ начина́емъ, нижѐ преста́й, но прі́снѡ ѻ҆ц҃ꙋ̀ и҆ сн҃ꙋ̀ счинє́нъ и҆ счисля́емъ: живо́тъ и҆ животворѧ́й, свѣ́тъ и҆ свѣ́та пода́тель, самоблгі́й и҆ и҆сто́чникъ бл҃гостыни: и҆мже ѻ҆ц҃ъ познава́етсѧ, и҆ сн҃ъ прославлѧ́етсѧ, и҆ ѿ всѣ́хъ познава́етсѧ є҆ди́на си́ла, є҆ди́но счета́нїе, є҆ди́но поклоне́нїе ст҃ы́ѧ тр҃цы.

1 Дух Святой всегда был,
и есть, и будет;
Он не начал
и не прекратит [Своего] бытия,
но всегда со Отцом и Сыном
вчиняется и счисляется.

Ибо неприлично было или Отцу когда-либо быть без Сына, или Сыну без Духа: крайне было бы бесславно для Божества, как бы вследствие изменения советов Своих придти в полноту совершенства. Итак,

Дух всегда был приемлемым, а не приемлющим; Совершающим, а не совершаемым; Наполняющим, а не наполняемым; Освящающим, а не освящаемым; Приводящим к обожению, а не вводимым в обожение.

Он всегда один и тот же Сам для Себя и для Тех [для Отца и Сына], с Которыми счиняется; невидим, не подлежит времени, невместим, неизменяем, не имеет ни качества, ни количества, ни вида, неосязаем, самодвижен, приснодвижим [постоянно динамичен], свободен, самовластен, всесилен, хотя, как все принадлежащее Единородному [Сыну], так и все принадлежащее Духу, возводится к первой Вине [Отцу].

Дх҃ъ ст҃ый свѣ́тъ и҆ живо́тъ, и҆ живы́й и҆сто́чникъ ѹ҆мны́й: дх҃ъ премꙋ́дрости, дх҃ъ ра́зꙋма, бл҃гі́й, пра́вый, ѹ҆мны́й, ѡ҆бладѧ́й, ѡ҆чища́й прегрѣше́нїѧ: бг҃ъ и҆ бг҃отворѧ́й, ѻ҆́гнь ѿ ѻ҆́гнѧ происходѧ́й: глаго́лѧй, дѣ́лѧй, раздѣлѧ́й дарова́нїѧ, и҆мже прѻ́роцы всѝ и҆ бж҃е́ственнїи а҆́пли съ мч҃ники вѣнча́шасѧ. стра́нное слы́шанїе, стра́нное видѣ́нїе, ѻ҆́гнь раздѣлѧ́йсѧ въ подаѧ́нїе дарова́нїй.

Дух Святой – жизнь и животворящ;
Он – свет и света Податель;
Он – источная благость и
Источник благости;
Он – *Духъ правый владычній* (Пс. 50, 12.14),
Господь (2 Кор. 3, 17),
посылающий (Деян. 13, 4),
отделяющий (Деян. 13, 2),
созидающий Себе храм (Кол. 2, 22),
наставляющий (Иоан. 16, 13),
действующий *якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 11),
разделяющий дарования,
Духъ сыноположенія (Рим. 8, 15),
истины (Иоан. 14, 17),
премудрости, разума, вѣдѣнія благочестія, совѣта, крѣпости, страха (Божія),
по исчисленному (Ис. 11, 3.4).
Чрез Него познается Отец
и прославляется Сын (Иоан. 16, 11),
и Сам Он Ими одними [Отцом и Сыном] знаем,
единое счинение,
служение и поклонение,
единая сила,
единое совершенство и освящение.

и҆мже ѻ҆ц҃ъ познава́етсѧ, и҆ сн҃ъ прославлѧ́етсѧ, и҆ ѿ всѣ́хъ познава́етсѧ є҆ди́на си́ла, є҆ди́но счета́нїе, є҆ди́но поклоне́нїе ст҃ы́ѧ тр҃цы.

Но к чему распространяться? Все, что имеет Отец, принадлежит и Сыну, кроме нерожденности; все, что имеет Сын, принадлежит Духу, кроме рождения. А нерожденность и рождение не сущности различают, по моему мнению, но различаются в одной и той же сущности (Слово 41, 580–581).

Итак, мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, разделяя личные свойства и соединяя Божество. Не смешиваем трех (ипостасей) в одно, чтоб не впасть в недуг Савеллиев [см. стр. 7] и единого не делим на три (сущности), разнородные и чуждые друг другу, чтобы не дойти до Ариева [см. стр. 7] безумия. Ибо для чего, как растение, скривившееся на одну сторону, со всем усилием перегибать в противную сторону, исправляя кривизну кривизною, а не довольствоваться тем, чтобы,

выпрямив только до средины, остановиться в пределах благочестия. Когда же говорю о середине, разумею истину, которую одну и должно иметь в виду, отвергая как неуместное смешение, так и еще более нелепое разделение.

Ибо в одном случае [в савеллианстве], из страха многобожия сократив понятие о Боге в одну ипостась, оставим у себя одни голые имена, признавая, что один и тот же есть и Отец и Сын и Святой Дух и, утверждая не столько то, что все Они одно, сколько то, что каждый из Них – ничто: потому что, переходя и переменяясь друг в друга, перестают уже быть тем, что они Сами в Себе. А в другом случае [в арианстве], разделяя Божество на три сущности... одна другой чуждые, неравные и отдельные, или безначальные, не соподчиненные и, так сказать, противобожные, то предадимся иудейской скудости, ограничив Божество одним нерожденным [Богом-Отцом], то впадем в противоположное, но равное первому зло, предположив три начала и трех Богов, что еще нелепее предыдущего.

Не должно быть таким любителем Отца, чтобы отнимать у Него свойство быть Отцом. Ибо чьим будет Отцом, когда [утверждением что Сын – сотворен как создание] отстраним и отчуждим от Него вместе с тварию и естество Сына? Не должно быть и таким Христолюбцем, чтобы даже не сохранить у Него свойства – быть Сыном. Ибо чьим будет Сыном, если не относится к Отцу, как виновнику. Не должно в Отце умалять достоинства – быть началом, принадлежащего Ему, как Отцу и Родителю. Ибо будет началом чего-то низкого и недостойного, если Он не виновник Божества, созерцаемого в Сыне и Духе. Не нужно все это, когда надобно и соблюсть веру в единого Бога, и исповедовать три Ипостаси или три Лица, притом – каждое с личным Его свойством (Слово 20, 300–301).

Отсеки Ариево нечестие, отсеки Савеллиево зловерие, и не соединяй паче надлежащего, и не разделяй злочестиво; не совокупляй во едино Лицо – Трех, и не делай Трех инаковых по естеству. Похвально исповедовать Единое, если хорошо разумеешь единство; похвально исповедовать и Трех, если правильно разделяешь, то есть допускаешь разделение Лиц, а не Божества (Слово 37, 521).

2 Но я, вводя начало Божества не временное, неотлучное и безпредельное, чту и Начало, а равно и Исходящих из Начала, – первое, потому что Оно начало таковых Исходящих, и последних, потому что Они так, такими и из такого исходят Начала, не отдельны от Него ни временем, ни естеством, ни достодолжным Им поклонением, суть с Ним едино ... как во взаимном между Собою соотношении, так и каждый Сам по Себе, – совершенная Троица из Трех совершенных. Ибо Божество выступило из единичности [не замкнуто в одиночестве] по причине богатства, преступило [превосходит] двойственность, потому что Оно выше материи и формы, из которых состоят тела, и определилось тройственностью (первым, что превышает состав двойственности), по причине совершенства, чтобы и не быть скудным и не разделиться до бесконечности. Первое показывало бы нелюбообщительность, а последнее – беспорядок; одно было бы совершенно в духе иудейства, другое – язычества и могобожия (Слово 22, 331–332).

...Если же Сыну принадлежит все, что имеет Отец, кроме виновности; и все принадлежащее Сыну принадлежит Духу, кроме

О савеллианстве и арианстве

■ Савеллий – еретик, живший в III-м веке; утверждал, что Бог по существу – одно Лицо, которое проявляет себя последовательно в трех формах (лицах). В Ветхом Завете – как Отец законодатель, в Новом Завете – как Сын спасающий, а затем является как Дух освящающий. По Савеллию Отец, Сын и Св. Дух не самостоятельные лица, а лишь внешние формы, функции или «маски» единого Божества. Согласно этой ереси при проявлении Бога как Отца еще не существовало ни Сына, ни Духа, а когда явился Сын, то перестал существовать Отец, с началом откровения Духа перестал существовать Сын. В конце концов и Дух Св., окончив свое откровение, возвратится в состояние покоя и молчания Единого Божества. Ересь савеллианства была осуждена двумя соборами: александрийским (261 г.) и римским (262 г.).

■ Ариане, впадая в другую крайность, разрывали Св. Троицу, отделяя Отца от Сына. Выступивший в начале IV-го века и осужденный I-м Вселенским Собором в Никее (325 г.), Арий считал Сына Божия – созданием, творением воли Божией, и отсюда не в полном смысле Богом. Ариане считали Сына посредником между Богом и миром. Большинство их признавало Сына «подобным» Отцу, но все они отрицали понятие единства по существу. Они обвиняли православных, что своим учением об единосущии Сына со Отцом православные, якобы, уничтожают, как и савеллиане, различие между Отцом и Сыном, и сливают их в одно лицо.

На самом деле и савеллиане и ариане не выработали правильного различения понятий Лиц (ипостасей, самостоятельных личностей) и Сущности (природы, естества). Это и объясняет Святитель Григорий Богослов. *Н.А.*

сыновства и того, что говорится о Сыне телообразно, ради моего человека и моего спасения (ибо Он принял мое, чтоб чрез сие новое растворение даровать мне Свое): то перестаньте, хотя поздно, безумствовать вы, изобретатели суетных речений, которые сами собою распадаются! (Слово 34, 496)

Соблюдется же... вера в единого Бога, когда и Сына и Духа будем относить к единому Виновнику, но не слагать и не смешивать с Ним [с Отцом], – относить, как по одному и тому же, назову так, движению и хотению Божества, так и по тождеству сущности. Соблюдается вера и в три Ипостаси, когда не будем вымышлять никакого смешения или слияния, вследствие которых у чествующих более, чем должно, одно, могло бы уничтожиться все. Соблюдутся и личные свойства [нерожденность Отца, рожденность Сына и исхождение Духа], когда будем представлять и нарицать Отца безначальным и началом – началом, как Виновника, как источник, как присносущный Свет; а Сына – ни мало не безначальным, однако же и началом всяческих.

Когда говорю – началом: ты не привноси времени, не ставь чего-либо среднего между Родившим и Рожденным, не разделяй естества худым вложением чего-то между совечными и сопребывающими... Отец безначален; потому что ни от кого иного, даже от Себя самого не заимствовал бытия. А Сын, если представляешь Отца виновником, не безначален, потому что началом Сыну Отец, как виновник; если же представляешь себе начало относительно ко времени, – безначален, потому что Владыка времен не имеет начала во времени... Но ежели без пытливости принимаешь рождение – когда так должно выразиться – Сына, или Его самостоятельность (ипостась)... то не будь пытлив и касательно исхождения Духа...

Если же поверишь несколько мне, не дерзновенному богослову; то скажу тебе, что одно ты уже постиг, а чтобы постигнуть другое, о том молись. Не пренебрегай тем, что в тебе; а прочее пусть остается в сокровищнице. Восходи посредством дел, чтобы чрез очищение приобретать чистое... (Слово 20, 301–305).

3 Дух Святой действовал во-первых в ангельских и небесных силах, – в тех, которые первые по Боге и окрест Бога: ибо их совершенство и озарение, и неудободвижимость или неподвижность ко злу, не от иного кого, как от Святого Духа; а потом действовал в Отцах и в Пророках, из которых одни в образах видели и познавали Бога, другие же и предузнали будущее, поколику Дух напечатлевал сие в уме их, и имеющее быть видели они пред собою, как настоящее; ибо такова сила Духа; после же сего действовал в учениках Христовых (не скажу во Христе, в Котором Он пребывал не как действующий, но как сопутствующий равночестному), и в них троекратно, по мере их удобоприемлемости, и в три различные времена – до прославления Христова страданием, по прославлении воскресением, и по вознесении на небо, или по *устроении* (Деян. 3, 21), или как иначе должно назвать сие; как показывает первое очищение от болезней и духов, производившееся конечно не без Духа, также по совершении домостроительства [при явлении воскресшего Христа апостолам] дуновение Христово, которое очевидно было Божественным вдохновением, и наконец нынешнее разделение огненных языков, которое и празднуем. Но первое было не ясно, второе явственнее, а нынешнее совершеннее: ибо не действием уже, как прежде, но существенно присутствует, и как сказал бы иной, сопребывает и сожительствует Дух. Ибо, как Сын беседовал с нами телесно, так и Духу приличествовало явиться телесным образом [в огненных языках]; и когда Христос вошел во славу Свою, тогда Ему [Духу Святому] надлежало низойти к нам; надлежало придти [самовластно], потому что Он Господь, и быть посланным, потому что Он не противник Богу [быть посланным Отцом – Иоан. 14, 26; и Сыном – Иоан. 15, 26 а также 16, 7]. Ибо таковые речения более показывают единомыслие, чем разделение естества.

Для того приходит Дух после Христа, чтобы не остаться нам без Утешителя (см. «*и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами во-вѣкъ, Духъ истины, егоже міръ не можетъ пріяти*» – Иоан. 14, 16); и для того именуется *инымъ*, чтобы дать тебе понятие о равночестии; ибо слово иный, поставлено вместо: *другой я*; это же именование означает едино-владычество, а не унижение. Ибо слово: *иный*, сколько известно мне, употребляется не об инородных, но об единосущных.

Является же в виде языков по сродству со Словом; и в виде огненных языков – почему думаешь? – или по причине очищения (ибо по Писанию известен и огнь очистительный*, что желающие везде могут увидеть), или по существу своему: ибо *Богъ нашъ огнь* и огнь, *поядаяй* нечестие (Евр. 12, 29)...

Является в виде разделенных языков, по причине разных дарований; в виде языков

* Это выражение Святителя не имеет отношения к католическому учению о «чистилище», отвергаемому Православной Церковью, см. книгу «Св. Марк Ефесский и Флорентийская уния» архимандрита Амвросия (Погодина), Джордан-вилль 1963, стр. 118–150.

сѣдшихъ, в означение Царского достоинства и почивания во Святых; ибо и Херувимы суть Божий престол. Является в горнице... в означение восхождения и возвышения от земли тех, которые приимут Духа; ибо и водами Божиими *покрываются* какие-то *превыспренняя* (горницы), которыми песнословится Бог (Пс. 103, 3). И Сам Иисус посвящаемых в высшее служение приобщает таинству в горнице [на Тайной Вечери], показывая тем, что нужно и Богу снисходить к нам, как, сколько известно, и снисходил к Моисею, и нам восходить к Нему, и что таким образом, при срастворении достоинства, должно происходить общение Бога с человеками. Доколе же пребывают они в собственном достоинстве, – Бог в достоинстве высоты, а человек – низости, дотоле благость несоединима, человеколюбие несообщимо, и посреди великая и непроходимая пропасть, которая отделяет не богатого только от Лазаря и от вожделенных недр Авраамовых, но сотворенное и преходящее естество от несотворенного и непреходящего.

Дух Святой проповедан был пророками, например в следующих местах: *Духъ Господень на мнѣ* (Ис. 61, 1); и почивают на нем *седмь духовъ* (Ис. 11, 1); *и сниде Духъ отъ Господа и настави ихъ* (Ис. 63, 14). *Духъ вѣдѣнія наполни* Веселеила, строителя Скинии (Исх. 31, 3). Дух бывает разгневан (Ис. 63, 10); *Духъ взя* Илию на колеснице, и сугубый испрошен Елиссеем (4 Цар. 2, 9.15); *Духъ благій и владычній* наставляетъ и *утверждаетъ* Давида (Пс. 142, 10. 50, 14). Святой Дух обетован сперва Иоилем, который говорит: *и будетъ въ последнія дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть*, то есть верующую, *на сыновъ вашихъ и дщерей*, и так далее (Иоиль 2, 28; Деян. 2, 17), а впоследствии – Иисусом, Который Сам прославляет Духа, и прославляется Духом, так же как прославляет Отца и прославляется Отцом. И какое щедрое обетование! Дух вечно сопребывает и ныне с достойными во временной жизни, и после с удостоившимися тамошних благ, если всецело сохраним Его доброю жизнию, а не будем удалять от себя в такой же мере, в какой грешим.

Сей Дух созидает с Сыном в творении и воскресении, в чем да уверит тебя сказанное: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ* устъ *Его вся сила ихъ* (Пс. 32, 6); *Духъ Божій, сотворивый мя, дыханіе же Вседержителево научающее мя* (Иов 33, 4); и еще: *послеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 30). Он созидает в духовном возрождении; в чем да уверит тебя сказанное, что никто *не можетъ видѣти* или получить *царствіе, аще кто не родится свыше Духомъ* (Иоан. 3,3.5), и от первого рождения, которое есть тайна ночи, не очистится дневным и светлым возсозданием (Пс. 138, 16), каким воссозидается каждый в отдельности.

Сей Дух, как премудрый и человеколюбивый, поемлет [возмет, охватит] ли пастуха, – творит его псалмопевцем, отгоняющим злых духов, и указует в нем царя Израилю. Поемлет ли пастыря овец, *ягодичія обирающаго*, – делает его пророком (Амос. 7, 14). Припомни Давида и Амоса! Поемлет ли остроумного отрока, – еще прежде совершенного возраста делает его судиею старейшин. Свидетель Даниил, победивший львов во рве. Обретет ли рыбарей, – уловляет в Христову мрежу целый мир объемля сетию слова. Возьми в пример Петра и Андрея и сынов громовых [Иакова и Иоанна], возгремевших о духовном. Обретет ли мытарей, – приобретает в ученики и творит купцами душ. Свидетель Матфей, вчера мытарь, а ныне Евангелист. Обретет ли пламенных гонителей,– изменяет ревность, и Савлов делает Павлами, столько же ревнующими о благочестии, сколько нашел их ревнующими о зле.

Он вместе и Дух кротости, и гневается на согрешающих. Итак, изведаем Его кротость, а не гнев, исповедуя Его достоинство и бегая хулы, не пожелаем увидеть Его без помилования гневающимся. Он и меня ныне делает дерзновенным пред вами проповедником. И если ничего не постражду, благодарение Богу! А если и постражду, также благодарение Богу! Первое желательно, да пощадит ненавидящих нас, второе, да освятит меня, в награду за священнодействие Евангелия приемлющего то, чтобы совершиться кровию.

4 Апостолы стали говорить на чужих языках, а не на отечественном, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись... по действию Духа сами они чудодействовали в произнесении гласов.

Правда, достохвально было и древнее разделение гласов, когда строили столп злонамеренно и безбожно единогласные (на что и ныне дерзают некоторые), когда единомыслие нарушилось различием гласов, тогда разрушилось и предприятие [замысел построения Вавилонской башни]. Но гораздо достохвальнее разделение, совершенное чудесно ныне: ибо, от единого Духа излившись на многих, опять возводится к единому согласию.

Егда снизшедъ языки сліяше, раздѣляше языки вышній: егда же огненныя языки раздаяше, въ соединеніе всѣхъ призва, и согласно славимъ всесвятаго Духа.

Кондакъ, гласъ 8

И есть различие дарований [многообразие даров Св. Духа], требующее нового дарования, чтобы уметь различить превосходнейшие из них; потому что все имеют нечто похвальное.

Можно бы назвать прекрасным и то разделение, о котором говорит Давид: *потопи Господи, и раздѣли языки ихъ* (Пс. 54, 10). За что же? За то, что возлюбили *вся глаголы потопныя, языкъ льстивъ* (Пс. 51, 6). Почти явно обличает здесь Давид те языки, которые рассекают Божество [не признавая Святого Духа в полном смысле слова Богом и тем нарушая единство и троичность Бога]. Но о сем довольно (Слово 41, 582–585).

А я буду повторять одно и то же, притом краткое, изречение: Троица воистину есть Троица, братия. Но слово: троица, означает не счет вещей неравных (иначе что препятствует, слагая [трех Несозданных] с тем или другим числом вещей [созданных], именовать [потом] десятком, сотнею, десятком тысяч; так как вещей, числом изображаемых, много, даже более показанного теперь), но совокупность равных и равночестных [божественных Лиц]; при чем наименование соединяет то, что соединено по естеству, и не дозволяет, чтобы с распадением числа [т. е. на три] разрушилось неразрушимое [т. е. единство].

Так мы рассуждаем и так содержим; о взаимном же отношении и порядке в Троице оставляем ведать Ей единой и тем из очищенных, которым сама Троица благоволит открыть сие или ныне, или впоследствии (Слово 22, 333).

5 Но скажу главное: славь с Херувимами, которые соединяют три Святости в единое Господство [при пении «*Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваофъ*» – Ис. 6, 3], и столько открывают Первую Сущность, сколько трудолюбивые могут видеть из под крыл. Просветись с Давидом, который говорит Свету: *во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ* (Пс. 35, 10): то есть как бы в Духе Сына, Которого может ли что быть светозарнее? Возгреми с Иоанном, сыном громовым, глася о Боге не что-либо низкое и земное, но одно высокое и выспреннее; Сущего в начале, Сущего у Бога, и Бога-Слово признавая Богом и Богом истинным, от истинного Отца, а не благим сорабом, который почтен только одним наименованием Сына, и *иного* Утешителя признавая несомненно иным от Говорящего, который есть Божие Слово. И когда читаешь: *Азъ и Отецъ едино есма* (Иоан. 10, 30), сосредоточивай мысль на единении Сущности. А когда читаешь: *къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Иоан. 14, 23), тогда представляй раздельность Ипостасей. Когда же находишь имя *Отца и Сына и Святаго Духа* (Матф. 28, 19), представляй три личные свойства... Богословствуй с Павлом, возведенным до третьего неба. Иногда перечисляет он все три Ипостаси и притом различно, не соблюдая одного порядка, но одну и ту же Ипостась именуя то в начале, то в средине, то на конце (и для чего же? чтобы показать равночестность естества!); а иногда упоминает то о трех, то о двух, то об одной Ипостаси, как бы прочие подразумевались в упомянутых; иногда же действия Божии приписывает Духу, как бы в сем не было никакого различия; иногда вместо Духа ставит Христа, и когда различает Ипостаси, говорит: *единъ Богъ, изъ Негоже вся, и мы у Него: и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Имже вся, и мы Тѣмъ* (1 Кор. 8, 6); а когда сводит Их в одно Божество, говорит: *яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (Рим. 11, 36), – *Тѣмъ*, то есть Духом Святым, как видно из многих мест Писания (Слово 34, 497–498).

И может ли кто из людей стать столько высоким, чтобы прийти в меру Павлову? Однако же и он говорит о себе, что видит только *зерцаломъ въ гаданіи*, и что наступит время, когда узрит *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12)... Может быть, что ты и благоразумнее другого; однако же перед истиною в такой же мере ты мал, в какой бытие твое отстоит от бытия Божия. Нам дано обетование, что познаем некогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). Если невозможно иметь мне совершенного познания здесь; то что еще остается? чего могу надеяться? – Без сомнения скажешь – небесного царства. Но думаю, что оно не иное что есть, как достижение чистейшего и совершеннейшего. А совершеннейшее из всего есть ведение Бога. Сие-то ведение частию да храним, частию да приобретаем, пока живем на земли, а частию да сберегаем для себя в тамошних сокровищницах, чтобы в награду за труды (Слово 20, 305) наследовать неизреченный свет и созерцание Святой и царственной Троицы, Которая будет тогда озарять яснее и чище, и всецело соединится со всецелым умом (в чем едином и поставляю особенно царствие небесное) (Слово 15, 236–237); приять всецелое познание Святой Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будет выразиться так), в самом Христе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков, аминь (Слово 20, 305).■

Примечания. [1] Преп. Серафим Саровский.
[2] Св. Григорий Богослов, т. I, стр. 424.
[3] Там же, стр. 420.
[4] Письмо 38 «К Григорию брату».
[5] Св. Дионисий Ареопагит, «Божественные имена», 2.5.
[6] Св. Григорий Богослов, т. I, стр. 424.
[7] «К Григорию брату», Творения..., т. III, СПб 1911, стр. 57–58.

о. Юстин (Попович)

Толкование на Евангелие от Матфея

Блаженства: пятое блаженство (глава 5, стих 7)*

Блаженны милостивые;
ибо они помилованы будутъ.

Вот блаженство, в котором все зависит, прежде всего, от человека, а затем уже от Бога; которым человек обязывает Бога; в котором человек становится наравне с Богом по расположению. Отчего это? – Оттого, что ни одна добродетель не является столь необходимой для человека, как божественная милостивость. Во всей жизни, во всех моментах существования, разве есть для человека что-либо более необходимое, нежели милость Божия? И вот вся жизнь человеческая, во всей ее телесной и духовной разнородности и сложности, зависит от видимой и невидимой милости Божией. Чтобы видеть, человеческому глазу необходимо солнце. А разве солнце не сияет по милости Божией? Чтобы слышать, уху человеческому необходим воздух. А разве воздух не дар милости Божией? Кто из людей смог бы создать воздух, если бы его не было? Что применимо к глазу и уху человеческому, то действительно и для всего тела его, и для всех функций этого тела. А для души? – Действительно то же самое начало, только значительно в большей степени, и значительно сильнее. Как мыслит мысль, и как чувствует чувство? Только по дару и милости Божией, ибо богоподобной душе человеческой Бог даровал способность мыслить и ощущать. Если бы этого не было, кто мог бы создать душу, мыслящую и чувствующую, когда ни один человек не в состоянии создать ни единого листочка фиалки, ни единого камушка. А совесть человеческая? Разве это не дар человеку исключительной милости Божией? Одним словом: весь человек зиждится и существует по милости Божией. Это ощутит каждый, кто серьезно заглянет в загадочную тайну человеческой жизни на земле. Потому пятым блаженством и требуется от человека, чтобы он определил свое отношение к людям по законам Божественной милости. Человек и существует, и живет по милости Божией и от милости Божией.

Поэтому естественно, что он сам будет с божественной милостию относиться к людям. В этом заключается исключительное блаженство, ибо божественная милостивость духовно объединяет человека с Богом, источником этой милостивости и того блаженства.

Когда душа человека обращается на путь Христовых блаженств, то она на каждом шагу и в каждый момент ощущает, как непрестанно в нее изливается безграничная милость Божия. Если он познал первую божественную добродетель, а в ней – первое божественное блаженство, то человек всем своим существом ощущает и сознает, что такое милость Божия, что это – когда Бог милует душу человека. Разве это не бесконечная милость Божия, когда мы за смирение, за нищету духом принимаем Царство Небесное? Разве это не бесконечная милость Божия, когда плачем о себе и об окружающем нас мире и за это исполняемся Духом Святым, Утешителем? Разве это не бесконечная милость Божия, когда за кротость наследуем всю землю? Разве это не бесконечная милость Божия, когда богоустремленным алканием и жаждой правды мы принимаем в себя всю Правду Божию, Христа Бога?

Что такое верх милости Божией? Воплощение Бога и все то, что воплощенный Бог, Господь наш Иисус Христос, сделал и непрестанно делает для рода человеческого. Все это составляет одну единственную неповторимую бесконечную и воистину божественную милость к людям и к нашему земному миру. Предположим: человек воплощается в агнца, или в тигра, или в гиену, или в змию с целью спасти животный мир от смерти и зла. Что бы это воплощение означало по сравнению с воплощением Бога в человека? Что-то бесконечно ничтожное, а по последствиям – вообще ничего. Ибо немощный человек, сам раб зла и смерти, не был бы в состоянии спасти от них животный мир. При этом, человек виноват во всех смертях и во всем зле в животном мире. А Господь Христос? Безгрешный, Он принимает на Себя все грехи мира и все муки от грехов; разве это не исключительная и совершенная милость Божия? Бессмертный, он переносит смерть ради смертных людей; разве это не единственная и невиданная милость Божия? И еще: одичалым и помешавшимся от греха людям воплощенный Бог дарует вечную Истину, вечную Правду, вечную Мудрость, вечную Жизнь и все божественные бесчисленные совершенства и бесконечные блаженства. Разве это не милость, которой нет равной во всех мирах?

---

* Продолжение.

Когда человек серьезно и всесторонне испытывает себя и ставит точный диагноз самому себе, то ничто ему столь не необходимо и так не необходимо как милость Божия. Ибо несомненный диагноз всякого человека показывает вот что: грех, грех, грех, и во грехах – болезнь, болезнь, болезнь, и в болезнях – смерть, смерть, смерть. Поэтому любым чувством, любой мыслью, любым движением души, духовно чуткий человек вопиет к Богу: милость, милость, милость! Кто не находится в таком отношении к Богу, тот не милостив к людям. А такой человек, духовно парализованный, страдает от духовной одержимости. Чувство греховности развивается с покаянием; покаяние и вопиет о милости Божией, о прощении грехов. Только кающиеся получают исключительную милость от Бога, которая из них светит на окружающих людей. Ибо милость Божия, когда она входит в сердце человеческое, при помощи остальных божественных добродетелей, превращается в милосердие. И милосердный человек всегда милостив к людям, так же как Бог милостив к нему. Одно ощущение неизменно присутствует в душе милосердного человека – это ощущение, что ему всегда необходима милость Божия, почему он и сам всегда милостив к людям. Чем праведнее человек, тем больше он ощущает свою греховность. Самые святые люди в течение всей своей жизни сильнее всего и ощущают свою греховность. Вот только один пример. Лицо св. Сисоя перед смертью засияло ярким светом. Это к нему пришли свв. Пророки и свв. Апостолы. А когда еще больше засияло, он сказал своим ученикам: «Вот ангелы пришли взять мою душу». Наконец, его лицо засияло как солнце, и на всех напал страх, а св. подижник сказал: «Вот Господь приходит. Смотрите все!» Потом настала тишина, св. старец о чем-то беседовал с Господом. Когда ученики его спросили, о чем он говорит, он им ответил: «Я молил Господа, чтобы Он еще на несколько дней продлил мою жизнь, чтобы я покаялся». Сильно развитое ощущение личной греховности – постоянный спутник христианина на всем пути его духовного усовершенствования. Каким бы чувством или мыслью человек ни входил в свою душу, он на всех путях своей души встретит грехи, страсти, пороки. И если он сознает опасность, которой они ему грозят, то он постоянно будет вопить о милости Божией. Это тогда «велия милость», которую только воплощенный Бог дарует роду человеческому, всемилостиво совершив домостроительство спасения мира от греха, смерти и диавола. Об этой «велией милости» вопиет душа православного христианина через многочисленные церковные стихиры и молитвы.

Можно было бы сказать, что пятое блаженство – это естественное для человека блаженство, ибо оно обусловлено человеческой милостивостью. Это значит: милостивость – нечто естественное для человека, составная часть человеческого существа. Иными словами: человек в основе создан как милосердное существо. На это указывает богоподобие человеческой природы. Бог разлил божественную милостивость по всему существу человеческому и сделал ее основой всего человеческого. Но это только одна половина правды о человеке. А другая вот какая: Бог сделал божественную милостивость основой также и всего божественного в человеке, всего того, посредством чего человек возрастает к Богу, уподобляется Богу. Не будь это так, не войди божественная милостивость в основу человеческого существа, разве Господь Христос потребовал бы от людей, чтобы они были милостивы так, как милостив их Отец Небесный – Бог (Лк. 6, 36)? Своей милостивостью человек более всего напоминает Бога, больше всего походит на Бога. А когда он ее развивает сполна, он становится «богом по благодати», как говорят святые Отцы. Божественной милостивостью человек становится полноценным малым божеством. Такой человек – ходячее Евангелие Божие, ходячая проповедь о Боге.

Если человек теряет божественную милостивость, разве он вообще еще человек? Когда он ее теряет, то он теряет в себе того внутреннего, того богоподобного, того вечного человека и остается лишь оболочка и то – червивая и смердящая оболочка. Что такое человек? Воплощенное милосердие Божие. Что такое нечеловек? – Воплощенная грубость и немилосердие. Человек постепенно дегенерируется в не-человека, если он не упражняется в милостивости. Таков каждый эгоист, каждый самовольник. Душа его вся выткана из грубости, эгоизма и прочих грехов. А царство себялюбию и его отвратительных сотрудников – грехов, разве это не ад, который начинается в этом мире, чтобы никогда не окончиться в том мире? А жизнь в этом аду и есть проклятие, вечное проклятие для человеческого существа. Поэтому с правом можно было бы сказать: прокляты немилостивые, ибо они не будут помилованы!

Поскольку от Бога то, что влечет к Богу и что объединяет с Богом, постольку милосердие – это блаженство для человеческой природы. И еще: оно объединяет человека со всем, что есть божественное во всех людях; так он и их и возбуждает, и настраивает на все божественное, и себя поддерживает с их помощью во всем божественном. Таким образом оно в людях постепенно восстанавливает

райское расположение, рай, со всеми его блаженствами. Рай и есть что-то, что начинается здесь на земле на путях божественных добродетелей. Прежде всего путем божественного милосердия. Каждая божественная добродетель создает целый малый рай в душе человеческой и в нем – блаженство. А все вместе они составляют вечный божественный рай, и в нем – вечное блаженство, не прекращающееся никогда, ни в этой жизни, ни в будущей. Поэтому уста Благословенного и изрекли: ***Блаженны милостивые; ибо они помилованы будуть.***

Господь Иисус Христос весь состоит из милости и сострадания. Всем Своим существом он призывает к этому, располагает к этому и способствует этому. Как будто он говорит: «Смилостивись над самим собой и над собратьями, что рядом с тобой, потому что и тебя, и их давит грех, стирает смерть.» Духовно слепой этого не видит; те, которые только начинают прозревать, видят это понемногу; наиболее же зрячие (а это суть святые), только и видят это. Поэтому они бесконечно милостивые и милосердные. Все, что есть человеческое побуждает их кричать и вопить: «Господи, помилуй». Поэтому этот крик и повторяется чаще всего во святых православных богослужениях. Когда человек смотрит в себя серьезно и открыто, то он весь превращается в молитвенный вздох, которому нет края, вздох, в котором постоянно струится: «Господи, помилуй».

Нет у тебя ни милости, ни сочувствия к человеку? – Подумай только о том, для чего человек создан, и во что он впал, с чем он столкнулся: со смертью, с тлением, с гробом, с червями, со смрадом, с адом! А сколько ран на его душе! И каждый человек ранен смертельно. Кому только грехи не нанесли смертельной раны, да и то не одной, а сотен, и мы перед смертью многажды умираем! Взгляни только на душу человеческую! На что она похожа? На царицу небесную в лохмотьях; на бессмертную красавицу, измазанную черным калом; на блудницу, которая создана была для вечной девственности. А сердце в человеке? – Всевидящее око Божие; но гляди, оно потеряло способность зреть, оно не видит ни себя, ни тебя, а тем паче ни небо, ни Бога, ни Ангелов! А совесть в человеке? – И она некий падший ангел, запутавшийся и заблудившийся в черных сетях мрачной философии зла, и потерявшийся, и погибнувший в страшном лабиринте лукавой диалектики греха. А трава, растенья, цветы, животные, птицы? Все они – раненые, все они – больные, все они – смертники! Разве все это не сливает все твои чувства и все твои мысли в одну бескрайнюю божественную милость и бескрайнее божественное милосердие к человеку и ко всей остальной твари?

Милосердие разветвляется в разные формы милости и сочувствия, так же как душа разветвляется в разные формы мыслей и чувств. Милосердие значит: кормить голодных, поить жаждущих, одевать нагих, посещать больных, навещать плененных, заботиться о путешествующих. Но, скажет кто-то, я – бедный, я – убогий, у меня нет ни денег, ни имущества! Да, но у тебя есть душа, а в ней содержатся все богатства божественного милосердия. Молись Богу за голодных, за жаждущих, за нагих, за больных, за плененных, за путешествующих, ибо и это есть милосердие. Постись за других, и это – милосердие. Плачь за тех, кто не кается – и это милосердие. Страдай за спасение ближних – и это милосердие. Не отвечай обидой на обиду; не плати злом за зло; побеждай зло добром; благословляй клянущих тебя; молись Богу за тех, кто тебя преследует; делай добро тем, кто тебя ненавидит; не вводи других в соблазн; все это – сплошное милосердие. А для того, чтобы совершать все это, человеку необходимо иметь только душу и тело, и ничего другого, никакого богатства сего мира. Это то, что Всемилостивый определяет в Своем Евангелии так: «*Подавайте лучше милостыню изъ того, что внутри васъ есть* – τα ενοντα» (Лк. 11, 41). Что это значит? А вот что: дайте людям свою боголикую душу, все божественные ее богатства: божественные милостивые мысли, божественные сострадательные чувства и расположения. Копни в своей душе и под грязью грехов и тиной страстей найдешь те божественные богатства, те невидимые внутренние драгоценности, с которыми Бог создал человека и сделал его исключительным существом во всех мирах. Это и имеет в виду всемилостивый Спаситель, когда благовествует: «*Ибо вотъ, царствіе Божіе внутрь васъ есть* (εντοζ υμον)» (Лк. 17, 21). Этому царству принадлежит и божественное милосердие человеческой души. Несомненно, в богообразной душе человеческой таится глубокий колодец божественного милосердия, которое просачивается через многие его щели. Источники эти текут прямо на небо, к Богу. Если человек спустится до дна своего существа, то он найдет в себе источник божественного милосердия, и сразу осознает, что он – един со всеми людьми всех времен, и по всему его существу разольется и всегда будет разливаться милость и сострадание ко всем людям, ко всем скорбящим братьям и собратьям нашим, скорбящим и несчастным из-за греха и смерти.

(Продолжение следует)

По поводу статьи об Архиепископе Андрее (кн. Ухтомском)

В 1-м номере «Вестника Германской Епархии»* за 1993 г. помещена статья "Экклезиология архиепископа Андрея, Уфимскаго (кн. Ухтомского)".

Она вызывает серьезный вопрос: можно ли считать Арх. Андрея – новосвященномучеником?

Когда началось составление списков новомучеников перед их прославлением, то мы руководствовались основным принципом: пострадал за веру и не признал декларации Митрополита Сергия. Еще тогда мы имели в виду, что списки наши неполные и очень многих данных о наших новомучениках мы не имеем.

Св. Троицкий монастырь с возможной тщательностью старался собирать данные и производить какой-то, для нас доступный отбор. При этом, совершенно естественно были и, вероятно еще будут, допущены ошибки. Так, в числе Новомучеников оказался и о. Павел Флоренский, проповедывавший еретические учения. Наш Синод, в одном из последних номеров «Церковной Жизни», поместил прекрасную статью из России с критикой учения Флоренского и сообщение о том, что Флоренский попал на икону Новомучеников по недосмотру иконописца.

В 1991 г. в Москве вышла книга М. Л. Зеленогорского «Жизнь и деятельность Архиепископа Андрея (кн. Ухтомского)» в 300 с лишним страницах и с очень богатой библиографией. В книге помещен и ряд публичных заявлений самого арх. Андрея.

Сам он свидетельствует, что объединился с беглопоповцами, принял их миропомазание и потом незаконно рукоположил для них несколько епископов.

За это был запрещен в священнослужении Митрополитом-новомучеником Петром Крутицким и не подчинился этому запрещению. Вторично, по той же причине он был запрещен Митр. Сергием Страгородским в 1926 г. и тоже – запрещения не признал.

Святителя Петра он очень резко критикует и обвиняет в том, что тот путем махинаций добился высокого положения. То же самое (но уже с действительными основаниями) ставил он в вину и Митрополиту Сергию. «Никониан» он презирает и считает еретиками.

Арх. Андрей был личностью очень спорной и до революции, а после нее он стал на неканонический путь, продолжая служить при двукратном запрещении; сам помазал себя миром раскольников-беглопоповцев и совершил для них незаконные хиротонии.

Мне представляется, что Архиепископ Андрей ни при каких условиях не может считаться святым новомучеником.

Епископ Григорий
15/28 апреля 1993

* См. «Вестник» № 1/1993, стр. 19 и № 2/1993, стр. 20.

Епископ Нафанаил

Церковь как восстановление подлинного человека*

Церковь старается развить в нас это соборное чувство, например, давая нам возможность в праздничных богослужениях реально переживать те самые чувства, какие переживались участниками празднуемого церковного события, и тем соборно объединить нас с этими ее чадами, ныне безраздельно принадлежащими Церкви торжествующей – небесной.

Целые отделы богослужения Церковь посвящает переживаниям даже ветхозаветной эпохи, призывая и давая нам, немощным, средства к соборному единению ее с чадами даже той отдаленной эпохи, при жизни предчувствовавшими Церковь в уповании и лишь по смерти присоединенными к ней Христом Спасителем в час его торжества над адом.

И в общении между собой каждый из нас, православных, испытывал чувство единства при встречах с какими-либо, часто совершенно незнакомыми, но так же, то есть, посильно православно верующими людьми. Как сразу же становятся они для нас родными и близкими, более близкими и родными, чем иной раз даже и родственники наши, менее нам единомысленные, менее единоверующие, с которыми нас связывает лишь плотское род-

* Продолжение (3). Начало см. «Вестник» № 1/1993, стр. 15, № 2/1993, стр. 17. *Статья была впервые опубликована в 1948 году.*

ство – отблеск древнего, после грехопадения ущербленного, единосущия.

Эти чувства очень ярко переживали мы несколько раз при встречах и при переписке с верующими людьми из СССР, отделенными от нас в течение 25 лет*, жившими совсем иной жизнью, и тем не менее оказавшимися так совершенно близкими нам через церковную соборность.

Сродный этому, очень показательный опыт пережил я в 1938 году в Англии на студенческой конференции в Хаили. Среди православных были русские, греки, сербы, болгары, румыны, сирийцы – люди разных народов, даже рас, разных культур и культурных уровней, у которых во внецерковной жизни не было ничего общего. Но в деле веры, поскольку они оставались на почве Церкви, были они совершенно единодушны, что произвело большое впечатление на инославных участников конференции.

К сожалению, некоторые из официально православных участников этой конференции не оставались на церковной почве, и потому вносили разнобой в нашу среду, ослабляя миссионерски важное впечатление о полном соборном единстве православных. Чтобы правильно судить о нем и о многом другом, нужно всегда помнить, что, конечно, не официальная принадлежность делает человека православным, а церковность ума и воли.

В то же время, другие участники конференции – англикане, принадлежавшие к одному народу, к одной культурной среде, во всех вкусах и обычаях представляющих полное единство, в деле веры были глубочайшим образом разобщены, хотя и принадлежали официально одной Церкви.

При том в Православной Церкви единство обеспечивается не внешним авторитетом, подобным авторитету папскому в Церкви латинской, а исключительно внутренним единством жизни. Это единство жизни и есть соборность.

В самые первые века христианства, при величайшем напряжении жизни церковной, когда христиане полностью и совершенно жили в Церкви, и вне Церкви не было у них никаких интересов, эта соборность проявилась с особенной силой. На разных концах тогдашнего христианского мира – в Испании и Месопотамии, в Мавритании и Галлии – христиане, не сговариваясь между собою, проводили жизнь настолько совершенно внутренне единую, что христианин, перенесенный из Дамаска в Массилию, чувствовал себя в церковной общине чужой страны совершенно так же, как у себя на родине.

И все, что без официальных собраний, без особых постановлений вырабатывалось тогда внешне пестрыми, но внутренне совершенно едиными разнообразными христианскими общинами, было выявлением воли и жизни Духа Святого, живущего в Церкви.

Впоследствии, когда явилась к тому возможность, этот же дух соборности, орган Святого Духа, стал проявляться на собраниях епископов, получивших торжественное наименование Вселенских Соборов, дерзновенно, с полным сознанием своего на то права, заявивших: «Изволися Духу Святому и нам».

Соборность не есть общее подчинение современному или древнему авторитету, не есть рабское повиновение распоряжениям о том, как надо веровать или думать, не есть и кропотливое изыскание по вопросу, как о том или ином учили или думали в древности. Православный христианин верует и исповедует не так, как приказывает ему это делать тот или иной патриарх или архипастырь, не так, как это предписывает тот или иной древний отец, но так, как подсказывает ему его совесть, его сознание, живущее в Церкви. Но эту совесть свою, это свое сознание он постоянно проверяет голосом Вселенских Соборов, святых отцов и тех своих современников, о которых он знает, что они подлинно живут в Церкви. И если он обнаруживает в своей совести и в своем сознании расхождение с ними, он не утверждает свое сознание в противность сознанию Церкви, как протестант, и не подчиняется рабски внешне авторитетному голосу Собора или архипастыря, но сознает, что если его сознание вошло в противоречие с сознанием церковным, значит в его сознании есть какая-то капитальная погрешность, и нужно не простое подчинение, но исправление всего духовного своего облика покаянием и смиренной молитвой, пока он не достигнет снова внутреннего единства с Церковью. Стояние в соборности не легко. Оно требует постоянного напряжения и подвига. Но ведь об этом, как и о всей жизни Церкви, говорит Христос: «*Царство Небесное* (т. е. Церковь) *усиліемъ берется, и употребляющіе усиліе* (по-славянски – нудящие себя, т. е. принуждающие) *восхищаютъ его*» (Мф. 11, 12).

Истинная Церковь – одна

Но Церковь не только едина, она и единственна, потому что у нее единая глава – Христос. Все, что имеет общение с Ним, едино и с нею и следовательно становится ею.

Кроме того, воплощаемая в Церкви истина одна. Истин не может быть две или несколько. Если в вещах важных и точных

высказываются два или несколько различных мнений, то правильным может быть только одно, а все прочие – неправильны.

Значит и истинная Церковь может быть только одна.

Чтобы нас не упрекнули в произвольности всего учения о Церкви как о Теле Христовом и о соборном единстве ее членов, приведем учение об этом предмете апостола Павла. Апостол пишет:

«Бог Господа нашего Иисуса Христа... поставил выше всего главою Церкви, которая есть Тело Его... И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили по обычаю мира сего, по воле... духа, действующего ныне в сынах противления... и были по природе чадами гнева,... Бог, богатый милостью, по Своей великой любви,... и нас, мертвых... оживотворил со Христом... Теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею,... дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом... Потому что через Него... имеем доступ к Отцу, в одном Духе. Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (Еф. 2).

«И он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова... дабы мы... истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф. 4, 11–16).

«Христос есть глава тела Церкви» (Кол. 1, 18).

«Христос – глава Церкви» (Еф. 5, 23).

«Ныне восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24).

«Как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так и мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Рим. 12, 4–5).

«Как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело: иудеи или эллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих... Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – Тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12–14; 26–27).

Такое именно понимание Церкви было всегда достоянием всего Христианского православного мира...

Итак Церковь есть совершенно новое, особенное и единственное на земле бытие, которое нельзя с точностью. определить никаким понятием, взятым из мирской жизни.

Наименование Церкви «обществом» очень не точно, потому что земное общество состоит из личностей, почти полностью самозамкнутых, каковыми являются личности нашего падшего мира, оно подчиняется юридическим законам, подразумевающим и обусловливающим эту замкнутость и пренебрегающим даже теми остатками соборности, которые наличны в большинстве людей. Мы ведь не можем представить себе общества, основанного не на кодексе прав и обязанностей членов, а на основах взаимного сострадания и сочувствия, или взаимного проникновения в жизнь один другого, как в собственную жизнь.

Церковь же насквозь соборна, и замена в ней соборных отношений ее членов юридическими всегда является падением и фальшью. Можно было бы сравнить Церковь с семьей, единственным обществом, основанном не на юридических, а на естественных ущербленных соборных основаниях. (Подразумевается, что муж любит жену, как самого себя, и живет ее жизнью, как собственной, и наоборот, и что таковы же отношения родителей к детям.) Но семья слишком специфична и ограниченна, хотя Священное Писание для разъяснения содержания понятия Церкви пользуется аналогиями и с семьей, и Бога мы называем именно по праву чад Церкви «*Отцемъ иже есть на небесехъ*», соединение христианина со Христом в единосущии – браком души с Небесным Женихом, браком Агнца и пр.

Наилучшую аналогию дает приведенное сравнение ап. Павла Церкви с телом, но мысль апостола, указывающего на цель тела – Церкви «для приращения себя самого в любви», уже нарушает образ тела, не знающего никакой любви, и тем снова указывает на то, что понятие о Церкви есть понятие о бытии исключительном, не выразимом земным языком.

Из всего выше изложенного мы видим, что Церковь есть подобие Троического бытия, подобия, в котором многие личности становятся единым существом.

Почему же такое бытие, как и бытия самой Троицы, так непонятно и невыразимо для нас?

Потому что в нашем естественном самосознании личность есть бытие самозамкнутое, радикально противоположное всякой другой личности, настолько, что понятие об основной противоположности «я» и «не я» стало краеугольным камнем европейской философии (Декарт).

Наоборот, личность, развивающаяся в Церкви, совмещает полноту соборности: самоотверженность и любовь к другим, как к самому себе, с высокой степенью индивидуального развития самосознания. Наиболее типичными представителями такого совмещения служат типы святых Церкви. Вспомним их: мученики, аскеты, святители... Во всех этих трех типах, в высшей степени далеких друг от друга по бытовым условиям жизни, мы находим одинаковую гармонию двух начал, кажущихся не совместимыми естественному падшему разуму.

Все эти три типа – гиганты воли с крайне напряженным сознанием своей личной ответственности, и в то же время совершенно чуждые не только грубого житейского эгоизма, но и какого бы то ни было тонкого превозношения, какого бы то ни было притязания на права своей личности.

Итак христианская истина о Церкви как о соборном бытии, подобном Божественному Троическому, не только в идее, но и в жизни, освобождает человека от естественного противоречия между самосознанием личности и самоотверженной любовию как принципом жизни. Вот почему догмат Троицы является основным догматом христианским, и качество соборности – основным качеством Церкви.

Появление ересей

Создание Церкви, богочеловеческого организма, было величайшим делом Божией любви, Христовой победой над диаволом.

Ухищрения князя тьмы были разрушены актом величайшего Божиего снисхождения, которого диавол в своей гордыне не мог ожидать. Он – гордый могучий дух, денница, первенец творения, презирал людей – полутелесных немощных тварей, и никак не мог предположить, что Сын Божий – Творец и Бог, сопрестольный Отцу и Духу, станет одним из людей.

Область тьмы была сокрушена этим. Ад разбит. Врата Царства Небесного широко раскрыты перед людьми опять, еще полнее, чем раньше, и широким потоком потекли спасаемые люди в то царство радости, которое было *уготовано имъ отъ созданія міра* (Мф. 25, 34).

Но враг Бога и людей не хотел сложить оружия. Видя себя посрамленным, благодаря созданию Церкви, он всю ненависть свою сосредоточил на ней, и попытавшись первоначально уничтожить Церковь физически, путем прямого нападения в период гонений, убедившись в тщетности этой попытки, захотел попытаться взорвать ее изнутри, посевая в ней ереси.

Но первые ереси не достигали цели: при высоком напряжении церковной жизни, при глубочайшем развитии соборности и нераздельном сосредоточении древних христиан в Церкви, эти лжеучения легко ощущались христианами как явления посторонние, чуждые, не общие, значит, не соборные, и носители их извергались из Церкви Христовой. Так легко были изобличены и отринуты гностики, савелиане, докеты.

Но с ростом Церкви вширь, с проникновением в ее ограду все новых и новых человеческих масс, полнота жизни в Церкви христианского общества ослабевала, зоркость тускнела, чуткость притуплялась, и мы видим как арианство, несторианство, монофизитство увлекают за собой многие миллионы христиан.

Тем не менее и эти ереси не наносили еще коренного ущерба христианству. Рождаясь от какого-либо человека или группы людей, противопоставлявших свое понимание той или иной религиозной проблемы – соборному – кафолическому пониманию, эти ереси увлекали за собой большее или меньшее число последователей, иногда, как это было с арианством, почти весь официальный христианский мир, кроме нескольких героев духа. Но это последование за новаторами диктовалось не духовным согласием с ними, а либо страхом принуждения со стороны мирской власти, либо леностью мысли, так как стояние в Православии всегда требует подвига.

Потом, после первоначального успеха, ереси начинали увядать, не столько внешне, сколько внутренне, оскудением праведности, потерей чувства кафоличности, то есть соборности. И если последователи этих ересей и оставались где-либо, то они быстро сходили до роли чисто местного явления.

Несмотря на волнения ересей, на недочеты церковной жизни, вызываемые наплывом в Церковь вчерашних язычников, несмотря на некоторое охлаждение религиозного горения, в сравнении с эпохой гонений, христианский мир, в период, предшествовавший началу разделения Западной и Восточной Церкви в V, VI и VII веках, являл собой замечательную, яркую и светлую духовную картину.

(Продолжение следует)

Из жизни нашей Церкви

Архиерейский Собор 1993

Слева направо:
сидят
арх. Лавр,
арх. Антоний Лос-Анжелосский,
митр. Виталий,
арх. Антоний Сан-Францисский,
арх. Алипий.
Стоят
еп. Григорий,
еп. Кирилл,
арх. Марк,
еп. Варнава,
еп. Иларион,
еп. Митрофан.

С 4 по 17 мая (н. ст.) состоялся очередной Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей. Обычно соборы заседают в Синодальном доме в Нью-Йорке или, как это бывало несколько раз за последние годы, в Свято-Преображенском Скиту в Мансонвилле в Канаде. На сей раз архиерейский Собор был созван в Леснинской женской Обители во Франции. Таким образом, это был первый после переезда Архиерейского Синода и митрополита Анастасия в Америку в 1950 г. собор, который состоялся в Европе.

В Архиерейском Соборе 1993 г. участвовали председатель архиерейского Синода, Высокопреосвященнейший митрополит Виталий, первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей, архиепископы Антоний Лос Анжелосский, Антоний Западно-Американский и Сан-Францисский, Лавр Сиракузский и Троицкий, Алипий Чикагский и Детройтский и Средне-Американский, Марк Берлинский и Германский, и епископы Варнава Каннский, Иларион Манхеттенский, Кирилл Сеатлийский, Митрофан Бостонский, и епископ Григорий. Из России ни один из наших архиереев не прибыл, а из заграничных по болезни не смогли приехать архиепископы Павел и Серафим и епископы Иоанн, Даниил и Константин. Особенно огорчило всех приехавших отсутствие «хозяина», архиепископа Антония Женевского и Западно-Европейского. Он на Страстной Седмице повредил себе позвоночник и поэтому лежал в больнице. В течение всего Собора возносились особо горячие молитвы о его выздоровлении.

На Архиерейском Соборе, как всегда, обсуждались все насущные проблемы нашей церковной жизни как заграницей, так и в России. Одна из трудных задач Архиерейского Собора – это назначение архиереев на вакантные кафедры. Большая Австралийско-Новозеландская Епархия осталась без постоянного архипастыря из-за болезни ее долголетнего возглавителя, архиепископа Павла. Ныне в Австралии находится преосвященный епископ Даниил Ирийский. Несмотря на свою многогранную деятельность среди единоверцев в Америке, владыка Даниил со всей своей энергией вошел в жизнь Австралийско-Новозеландской Епархии и сразу же привел в порядок ее юридический статус. К сожалению, физические недомогания мешают преосвященному Даниилу полностью принять на себя все обязанности правящего архиерея.

Из Российских архиереев архиепископ Лазарь и епископ Валентин были уволены на покой. Российские приходы будут впредь управляться непосредственно Архиерейским Синодом при помощи преосвященных епископов Варнавы и Веньямина. Архиерейский Собор повторил свое четкое отмежевание от любой попытки связывать Церковь с какой бы то ни было политической или общественной организацией, подчеркивая, что Церковь должна стоять выше всех человеческих страстей.

В итоге долголетних подготовительных работ на Архиерейском Соборе было принято решение прославить в 1994 г. русских угодников Божиих митрополита Иннокентия (Веньяминова), потрудившегося в юные годы, еще будучи священником, на миссионерской ниве в Америке, и архиепископа Николая, миссионера Японии. Эти два прославления назначены на конец января 1994 года. 2 июля того же года в г. Сан-Франциско должно состояться прославление архиепископа Иоанна Шанхайского (см. «Послание Архиерейского Собора» в начале этого выпуска Вестника), окончившего свой архипастырский путь в городе Сан-Франциско, где и почивают его мощи.

В воскресенье 9 мая почти все архиереи разъехались по приходам Западно-Европейской Епархии, чтобы там возглавить воскресное богослужение, потому что храм в Леснинской Обители был бы недостаточно вместителен для всего Архиерейского Собора. Таким образом архиерейской службы удостоились приходы в Брюсселе, Париже, Люксембурге, Лионе и Марселе.

Архиепископ Марк был приглашен в храм Воскресения Христова в г. Медон под Парижем, где настоятелем бывший клирик Германской Епархии, о. прот. Михаил Арцимович. О. Михаил был рукоположен в диакона и во священника владыкой Марком в первый год его архиерейства, и всегда сохранял тесную связь с Германской Епархией и владыкой Марком. Поэтому он сразу же пригласил владыку на свой приход. Обычно данный приход отмечает свой престольный праздник в Неделю Жен мироносиц. Но на сей раз праздник отмечался в Неделю о Расслабленном. На всенощном бдении владыка вышел на литию и на полиелей. В воскресенье владыке сослужили о. прот. Михаил Арцимович, священник Андрей Филиппс и диакон Андрей Мейасу. После Божественной литургии и крестного хода приход устроил прием в доме, предоставленном городским управлением. Туда же приехали и прихожане парижского храма Всех Святых в Земле Российской Просиявших, где в этот день служил архиепископ Антоний Лос-Анжелосский. Побыв и помолившись в эти два дня с Медонским приходом, владыка Марк выражал свое удивление благоустройству храма, уставному пению и особенно активной приходской жизни, где выделяется много молодых семей с детьми.■

В день Пестольного праздника Медонского прихода. Слева от арх. Марка – настоятель прот. Михаил Арцимович и староста Р.Н. Первышин; справа – свящ. Андрей Филиппс и диакон Андрей Мейассу

Из жизни Епархий

Великобританская епархия

❒ На праздник Благовещения Пресвятой Богородицы Преосвященный Марк, Архиепископ Берлинско-Германский и Великобританский, возглавил торжественные богослужения по случаю престольного праздника в Благовещенской Женской Обители **в Лондоне.** Приехав в Англию за несколько дней до Благовещения, владыка совершил воскресные богослужения на 5-й Неделю Великого Поста во Всех-Святском Подворье в Лондоне. В конце Божественной литургии владыка возложил на о. игумена Серафима золотой крест, оставшийся от одного из заслуженных старых священников в Англии, бывшего миссионера, награжденного особым синодальным крестом еще до 1917 года за заслуги на миссионерской ниве. В воскресенье вечером он возглавил заседание приходского Совета, на котором, в частности, обсуждались вопросы постройки нового храма в Лондоне.

В праздник Благовещения игуменья и сестры Благовещенского монастыря с большой радостью встетили своего архиерея в благоукрашенной обители. Владыке Марку сослужили о. архимандрит Алексий, о. игумен Серафим, иерей Вадим Закревский, и диаконы Василий Якимов и Петр Боук. За литургией причастился духовник обители, о. архимандрит Никанор. Прислуживали мальчики из русской школы, которую ведут монахини.

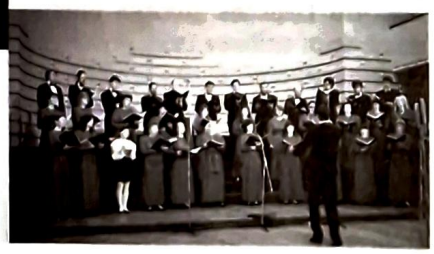
Вечером в день Благовещения архиепископ Марк в сослужении вышеназванных клириков совершил таинство Елеосвящения во Всех-Святском Подворье. Несмотря на то, что предыдущие дни были заполнены праздничными службами, в этом таинстве участвовало много народа. Поздним вечером владыка еще раз вернулся в Женскую Обитель, чтобы помазать игуменью и монахинь елеем от таинства Елеосвящения. Так, с большим духовным подъемом, завершился этот праздничный день.▮

Латвия

❒ С 23 по 27 мая архиепископ Марк находился с архипастырским визитом в г. **Риге** в Латвии. За литургией в Неделю о Фоме владыка рукоположил диакона в помощь больному архимандриту Кириллу. Помимо этого, владыка принимал экзамены студентов заочной семинарии и вел беседы по церковным вопросам с многочисленными посетителями. В воскресенье после обеда архиепископ Марк присутствовал на духовном концерте ансамбля «Благовест» в самом большом концертном зале Риги и выступил со словом перед собравшимися ценителями русской духовной музыки. В Латвии, как вероятно и в других прибалтийских государствах, русские вдруг оказались в положении эмигрантов, и поэтому опыт нашей церковной жизни может во многом служить им примером.▮

В Риге архиепископ Марк совершает Божественную литургию

Русские монахини принимают благословение от архиепископа Марка



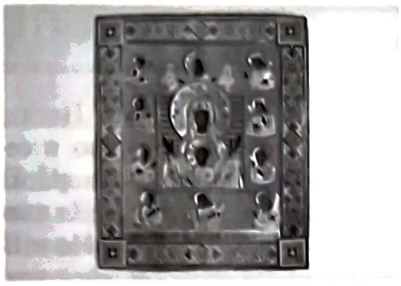
Духовный концерт ансамбля «Благовест» в самом большом концертном зале Риги после которого архиепископ Марк выступил со словом перед собравшимися ценителями русской духовной музыки

Германская епархия

❒ На Страстной Седмице архиепископ Марк, как и в прошлые годы, совершал таинство Елеосвящения **во Франкфурте** (в понедельник), **в Штутгарте** (во вторник) и в кафедральном соборе **в Мюнхене** (в среду). Все остальные богослужения Страстной Седмицы владыка совершал в мюнхенском соборе, в сослужении (за редкими исключениями) о. Николая Артёмова, протодиакона Георгия Кобро и диакона Андрея Сикоева. Ввиду большого стечения народа на Пасху владыка Марк и о. Николай Артёмов причащали из двух чаш. Особенно торжественно в этом году прошла вечерня в первый день Пасхи. Владыка начал вечерню в середине храма, сам совершил каждение в начале, читал евангелие и сказал слово. На второй день по сложившейся традиции заутреня и пасхальная литургия с крестным ходом совершились в монастыре Преп. Иова Почаевского.■

Перед замком «Hohenzollern», архиепископ Марк между принцом Луи-Фердинандом (в светлом плаще) и младшим его сыном

❒ 21 мая архиепископ Марк служил панихиду в замке «**Hohenzollern**». Сюда его приглашает каждый год принц Луи Фердинанд – внук последнего немецкого императора. Принц был женат на русской великой княгине Кире Владимировне (сестре Кирилла Владимировича). Владыку сопровождал камерный состав хора из Мюнхена под руководством мюнхенского соборного регента Владимира Вл. Циолковича. Принц Луи Фердинанд – большой любитель музыки и, по традиции прусских королей, – сам композитор. Поэтому он особенно ценит русское церковное пение.■



❒ По окончании Архиерейского Собора во Франции в Германию с архиепископом Марком прибыла **Чудотворная Икона Знамения Пресвятой Богородицы Курская Коренная**. Она присутствовала на богослужениях 6/19 мая по случаю Престольного праздника обители преп. Иова Почаевского, где литургию служил самый молодой архиерей нашей Церкви – Преосвященный епископ Кирилл Сеатлийский, который несколько дней гостил в монастыре по приглашению Владыки Марка, – в сослужении иеромонаха Иосифа.

Чудотворная икона также была в Свято-Николаевском кафедральном соборе в Мюнхене 9/22 мая, в день Престольного праздника, и в воскресенье 10/23 мая, а также на праздник Вознесения Господня. В будние дни между этими праздниками Чудотворная Икона посещала дома больных и присутствовала на молебнах и акафистах как в кафедральном соборе, так и в Архангело-Михайловском храме в Людвигсфельде или же в Аугсбурге. Везде присутствие Иконы привлекло множество верующего народа.▮

Преосвященный епископ Кирилл – самый молодой архиерей нашей Церкви – перед обителью преп. Иова в Мюнхене

В день Престольного праздника обители преп. Иова Почаевского архиепископ Марк совершает литию в присутствии епископа Кирилла

❒ В понедельник 18/31 мая (второй день западной Троицы) по давно сложившейся в нашей Епархии традиции архиепископ Марк совершил Божественную литургию в храме-усыпальнице на **Ротенберге** близ Штутгарта. Накануне он молился за вечерней и утреней в Свято-Николаевском храме в Штутгарте. На Ротенберге владыке Марку сослужили иереи Иосиф Вовнюк из Эрлангена, Илья Лимбергер и Иоанн Касбергер (оба из Штутгарта) и протодиакон Георгий Кобро, присутствовал также иерей Николай Артемов. Торжественное пение обеспечил сборный хор из Мюнхена и Штутгарта под руководством Вл. Вл. Циолковича. После литургии, как и накануне владыка имел возможность общения со священниками и мирянами, желающими получить от него совет или наставление. В условиях нашего рассеяния такое общение особенно важно для сохранения единства Церкви.▮

Во время богослужения: хор под управлением В.В. Циолковича. Дети готовятся к Причастию.

Архимандрит Леонид Кавелин

Последние русские православные пустынножители (1745–1820)

Ученики старца Адриана: Василиск, Зосима... (1746–1775)*

Из учеников пустынножителя Адриана (в схиме Алексия) более других известны: монах Василиск и схимонах Зосима.

Монах Василиск был родом Тверской Губернии Кашинской округи Калязинского уезда деревни Иваниш из экономических крестьян, по имени Василий; с юного возраста обнаруживал склонность к жизни благочестивой, любя пачи всего молчание и уединение. Но прежде чем достигнул своего желания, потерпел немало искушений и скорбей. Будучи уволен братьями, но не имея полного увольнения от своего общества, Василий брал срочный паспорт и с ним ходил по иноческим обителям, ища надежного пристанища для душевного спасения. Но ему советовали идти жить к пустынножителям, потому что, по прошествии срока паспорта, в монастыре держать не станут.

Во время своих странствий пришел он в Введенский Островский монастырь, которым управлял тогда Настоятель высокой духовной жизни о. Клеопа и видя там строго, подвижнически живущих старцев, начал проситься, чтоб его приняли в сожительство; тогда о. Клеопа пошел с ним один за ограду к озеру; а в ту ночь был мороз, озеро и затянуло, и сказал ему, искушая его произволение: «Побегай по льду, крепок ли?» – тогда как лед в одну только ночь замерзший, видимо не мог сдержать человека. Василий же, нимало не противореча, не помысля, что не поднимет лед, побежал с тем, чтобы взойти на озеро. Тогда о. Клеопа возбранил ему, и сказал: «Благо тебе будет, сын мой, и преуспеешь в монашестве, если всегда так послушлив будешь к отцам духовным!» Напутствовал его, любезно благословил и отпустил на безмолвное пустынное жительство.

Услышав, что в Брянских лесах живет в пустыне с учениками иеромонах Адриан, Василий пошел к нему, и видя в нем простоту нрава и смиренное мудрование, весьма полюбил его, возжелал при нем жить и просил принять его в ученики себе. Когда же Адриан принял его, в нем опять пробудилось желание уединенного жития; он стал скорбеть о том, что должен возвращаться домой для перемены паспорта, а вечного увольнения не надеялся никогда получить за бедность и несмелость свою.

О. Адриан, видя, что Василий живет весьма богоугодно и преуспевает превосходнее всех учеников его в постнических делах, особливо за повиновение, за кроткий его обычай, и за благоразумное, смиренномудренное его рассуждение, постриг его в мантию, с таким завещанием и его собственным обетом, чтобы через всю жизнь провождать житие свое в пустынных пределах и при пострижении дал ему имя Василиска. С того времени Василиск еще более возжелал уединенного пустынного жития, и часто просил о. Адриана отпустить его одного жить в безмолвии.

Но Адриан хотя и видел, что нравом он смирен и может жить в безмолвии отдельно, но не отпускал от себя, обещая впрочем сделать это вскоре. Василиск же хотя и скорбел на такое удерживание, но не смел своевольно оставить старца, боясь Божия гнева.

Между тем, как прежде было сказано, на о. Адриана восстали окружные священники за исповедание господ: им думалось, что он берет от них великие дары и деньги. О. Адриан, по кротости своей, видя такое на себя негодование от священников, за лучшее почел удалиться из оной страны.

Около этого-то времени прибыл к пустынножителям благочестивый юноша Захария Верховский (в монашестве о. Зосима), впоследствие преданный ученик и неразлучный спутник своего старца.

Представляем ему самому рассказать, что он нашел у Рославских пустыножителей, когда вперые навестил их.

«В то время, – пишет он, – вот имел желание и я, грешный Зосима, ученик старца Василиска, пойти в иноческое звание. Читая же в Четьях-Минеях жития св. отцев, много удивлялся, как св. отцы одни жили в отдаленных глубоких пустынях; потому из любопытства и прибыл к сему пустынножителю Адриану. Он же встретил меня с большою радостью и благоприятством; тогда один взор на него привел меня в изумление: ходил он в худом

* Статья четвертая. Продолжение – начало см. «Вестник» № 6/1992, стр. 20; № 1/1993, стр. 24.

раздранном платье, а сам был худ и бледен, тонок и сух телом, и высок ростом. Один вид его в великое удивление меня привел, и я пробыл у него два дня, изумляясь на все поступки и вещи и дела отшельников; видя все у них бедное, простое, и неубранное, только что нужду их удовлетворяющее, и как они ночью пробуждаясь, вставали на богомолнение. На трапезе же всем поровну подавалось одно постное: не было у них ничего молочного, ни хмельного; только пустынные и огородные снеди, а питье вода и квас.

«Как сам отец Адриан, так и все с ним сожившие, были кротки, молчаливы и послушны; и прочее, бывшее у них и от них самих показуемое мне, заставляло меня недоумевать и изумляться, особливо, когда не взяли от меня подаваемых денег. Это меня так чрезмерно удивило, что я не утерпевши сказал: "О диво! есть же такие люди, которым деньги не надобны, и которые о временном не заботятся; такую провождают жизнь, к которой невозможно иметь пристрастия, или за что друг на друга оскорбяться и негодовать; у всех только одно – Бог и попечение о спасении!" Да и как им к чему-либо пристрастие иметь, когда у них ничего нет собственного; повидимому, хотя нечто имеется у них, но почитается все принадлежащим отцу их Адриану. Если он что и принимает от благотворителей, то берет и бережет не для себя, а ради соживших с ним братий; потому ничего и не присвоивает себе, а почитает все общим; по воле и желанию своему иноки ничего не делали, но управлялись и повиновались непрекословно во всем отцу Адриану; у всех равенство, и никто ничего своим собственным не признавал; оттого был между ними мир и тишина, в совести любовь и радушие; у всех словно одна душа и одно хотение. Достохвальнее же всего то, что друг к другу имели непритворное усердие, и без лести друг друга почитали и уважали благоговейно. Все самолично я видел, ибо многократно потом посещал их, и так вразумяся и наставися от них, помыслил в себе: как счастлив я буду, если сподоблюся вести подобную им жизнь беспечальную, спокойную, только на угождение Единому Богу безпрепятственно посвященную! И так положил в сердце моем твердое намерение вселиться к ним; и поспешил ехать в Петербург для получения от полка отставки, и потом восприять жизнь монашескую.

«При отъезде моем, дал мне о. Адриан письмо к своему духовному сыну, Иосифу архимандриту и Киевского монастыря Наместнику, который был тогда в Петербурге. Я отписал к нему все подробно о себе. Он же, получа от меня это письмо, весьма обрадовался, и тотчас доложил о нем митрополиту Гавриилу, который вскоре послал письмо, приглашая о. Адриана приехать к нему в Петербург; а по прежде отпустил его жительствовать в монастырь Коневец и велел строителю монастыря во всем покоить его.

«О. Адриан, отъезжая в Петербург, дал старцу моему Василиску благословение – жить на том же месте, в какой захочет келье: в его ли или в келье о. Варнавы, ибо все кельи запустели. Тогда говорил сам себе старец: "Вот Бог исполнил твое желание; теперь должен ты подвижнически жить". Оставшись один, старец Василиск вел подвижническую жизнь, претерпевая разные борения, искушения и мучительные сны с приведениями бесовскими разнообразными, в ужасный страх приводящими; пробуждаясь от сна слышал от них: "Ты здесь один, а нас много, всячески погубим тебя!" Много раз от нестерпимого ужаса он изнемогал и крепко унывал и тосковал, пока дождется света: а как только ночь, – такая находит скука, ужас и тоска; и страх берет его, что опять так ночь страдать будет; и как человек, малодушествуя, недоумевал, что делать. Ко всему этому, телом немощен и болезнями одержим был; питался пищею простою, не усладительною, более суровою и сухою; от сладкой, например от меда-молока – воздерживался, питьем каким-нибудь травным, подобным чаю, и на праздники себя не утешал; сон имел не успокоительный, на жестком ложе и деревянном возглавии; по случаю посылаемую хорошую пищу иным раздавал.

«Великую веру и любовь имели к нему многие, между прочим и архимандрит Геннадий (бывший настоятель Никандровской пустыни, Брянский урожденец), который и посещал его по временам и присылал ему холсты, мед и доброй рыбы. Получа что-либо подобное, сам хорошего не ел, но, по обычаю, раздавал посещающим его братьям, толко малую часть у себя оставлял, да и того малого сам один не ел, но вместе с посещающими малочто вкушал; меду небольшой сосудец иногда стоял у него года по два или по три без употребления; ибо только посещающим предоставлял, а сам один, даже и во время болезни, разве жиденьким отваром вместо чая себя удовлетворял; для потреб своих или ради скуки, в села или деревни никогда не ходил, но на Божий Промысл упование возлагал. Однажды оскудела у него мука и все съестное; пекущиеся о нем крестьяне не посещали его с начала зимы, сам он не шел в деревню, но говорил сам себе: "Если Господь не вложил им в сердце наведать меня, то и мне следует покориться благоизволению Божию и за грехи

мои терпеть и питаться тем, что есть". И так всю зиму провел, питаясь одним картофелем.

«Бояре так уважали его, что часто брали у него обычный его хлеб, и в дом возвратясь, разделяли своему семейству; или получа его рукоделия – ложку или трость простой работы (он не умел искусно и красиво делать) подавали ему за то несравненно более для потребы его нужное, нежели иным пустынножителям, хотя у тех и весьма изрядно было сделано; ибо его за простой нрав и кроткое обхождение, и господа и священный чин, и все крестьяне, особливо своя братия монашествующие, и все пустынножители тамо жившие, весьма почитали, любили и уважали: за это и он посещал по временам пустынников; к дальним ходил и по месяцу у них гостил; ближние поочередно друг к другу по праздникам сходились, и вместе всенощное совершали моление ко Господу Богу; и все собравшиеся вместе ничем иным не занимались во весь тот день, только чтением, духовными рассуждениями и дружеским между собою обхождением, отнюдь не нарушая благоговейнства своего. А хозяин один уже пекся о трапезном устроении и приличном угощении. Если же у которого хозяина не было потребных запасов, к тому все нужное другие с собою приносили.

«И таким образом святый праздник проводили в дружелюбном между собой обхождении, прохаживаясь по лесу и по рощам и долинам пустынным, и ведя духовные беседы; и если который отец или брат, или ученик что недоумевает, или двусмысленное находит во Святом Писании, тогда, предлагая на собор, общим рассуждением разрешали недоумение: всякий, по силе своего понятия, подавал свое мнение. Принуждали иногда прошением старца моего Василиска, чтоб он объяснил, что неудобопонятное или двусмысленное; тогда старец, да не явится упорным и не покоривым, – опасно соблюдая себя от сих пороков, за послушание с великим смирением отвечал: "Я – де совсем невежда; только послушания ради скажу" – и потом говорит, что может. Услышав же его рассуждение и толкование, часто находили, что оно совершенно удовлетворительно. Тогда слова отцев прежде объявивших, казалось или неявственны или недостаточны; и за такое тонкое и справедливое рассуждение его все уважали, не только сожившие близ него, но в других обителях весьма богоподвижные и духовные отцы в похвале и уважении его содержали. И все истинно пекущиеся о своем спасении имели его за непогрешимого советника, и повиновались ему, и всякий знающий его всегда усердно старался ему послужить, и все нужды его удовлетворять, – так были к нему усердны, как бы преданные ему в повиновение. Да и старец Василиск так был милостив и жалостлив и сострадателен, что даже не мог и лошадь ленивую ударом подогнать, – только голосом и ласковыми словами понуждал; а если лошадь голоса его не слушалась, то он и так оставался; лучше сам претерпит продолжительный путь, нежели от нетерпения сделается убийцею, и для обуздания самого себя, говорил к себе: "Монашествующие обязаны никого не обижать".

«Однажды шел он близ реки и увидел змию, которая, убоявшись его, бросилась в реку; но утонула ли, или естественно нырнула, только он более не видел ее плывущею; это весьма его опечалило: как губитель он поносил себя и укорял; и после многих лет всегда себя обвинял за то, почему не обошел и не оставил ее на своем месте. Никогда не мог видеть наказания; не мог даже видеть скотов или овец или птиц невинно убиваемых, или равнодушно смотреть на заколение их, или на рыбу трепещущую; и живую никак не мог ее чистить, потому и ловить ее сам уклонялся; а пойманную брал в руки свои и любуясь смотрел на нее, не потому, чтобы хотел ее есть, но за красоту и доброту ее приятного вида прославлял Создателя Бога, что такою прекрасною сотворил. Потом как бы от нее слова говорил: "Пусти меня, и я еще поживу так свободно, по твоей милости, как и ты; я только тем и повинна, что не имею рук вынуть себя из мрежи, уловившей меня, но также чувствую боль, и также хочу жить, как и ты, и свободу люблю; пусти меня, пусти, если ты милостив!" И так, побеждаяся милостию и состраданием, отпускал, чтоб не видеть живых и трепещущихся.

«Старец не готовил заранее молочного разговения для светлого Воскресения Христова, или Рождества Христова, веруя, что Господь и в те дни о всех промышляет. Однажды пред наступлением праздника светлого Воскресения Христова, пришел к старцу соседствующий брат пустынножитель, и приглашал его идти с ним в село, и там во святой церкви помолиться, и приличным брашном на такой великий праздник разговеться и от благотворителей, напутствовашися такими же снедями, вскоре возвратиться. Но старец мой не согласился, и сказал: "Мы умерли миру, и Бога ради удалились от мира, и уже мы не потребны миру, и с ним нам ликовать не годится; и если брашна ради пойти к мирянам, то не оправдимся пред Богом. Богу приятнее здешнее наше уединенное моление; праздник наш – в лишении и недостаточестве всякого телесного утешения. Но силень Господь и

постную нашу пищу преложить в манну, и горькую воду в сладостное питие и утешить нас духовным веселием и утешением, паче всех мирян пирующих и ликующих и веселящихся. Такие великолепные Божественные дни, особливо светлое Христово Вокресение, подобает нам святить, а чем иным освятим, если не тем, что препроводим такие дни неразвлеченно, внутренно беседуя с Господем, и в чтении Св. Писания и в богомыслии; если унываем и терпеть скуки не хочем, то как скажем: 'терпя потерпех Господа и вняв ми и услыша молитву мою?' – К тому же мы не так далеко живем от селений, и живут там не варвары, а все народ православный, – всячески Бог кого-либо подвигнет или позват нас, если нам на пользу к ним пойти, или принести что на сии дни празника на утешение".

«Но брат не захотел старца моего послушать, и сказал: "Кто к нам захочет пойти в такой день? И мы будем в скуке без всякого утешения; так я же один пойду, и тебе принесу разговеться: будем всю эту Светлую седьмицу праздничные брашна есть." Так и не послушал старца моего, и пошел с надеждою на многих христолюбцев и приятелей своих, которые прежде никогда не оставляли, и всякие потребы подавали ему. Прийдя в село, нашел уже всех в церкви, а в домах хозяева, все в великих суетах, готовили и стряпали приличное на праздник, и все единогласно отреклись заниматься с ним и беседовать, отзываясь недосугом. По окончании же св. литургии, лучшие его благотворители пошли в кабак, а из кабака ходили большими толпами друг к другу, вовсе не обращая внимания на присутствие братнее, и ни один знакомец не позвал его даже на трапезу к себе разговеться; словом, от всех был презрен и забыт; а некоторые даже и насмехались: "Вот – дескат пустынножитель спасается между пьянствующих!" – Так он голодный и возвратился к старцу, и рассказал все случившееся с ним. Старец, видя, что он голоден и ничего с собою ни принес, представил ему трапезу такую, за какою он с великим домогательством ходил и не получил. Тогда брат стал крепко раскаиваться о своем неповиновении и малодушии и предложенное от старца ел с зазрением своей совести, а старец опять сказал ему: "Вот как Бог о всех промышляет, что и меня недостойного, уповающего на Его благость, не презрел, но подвиг самого духовного отца моего священника, чтобы прежде всех ко мне отнесли: и прислал мне довольно пшеничных пирогов, сковородного печения, яиц, рыбы; а тебе ничего не послал, уповая конечно, что ты сам бывши в селе, напросишь еще более у благотворителей"».

*Ученик Зосима о себе**

«Теперь скажу о себе, я, его ученик, недостойный Зосима: когда еще был я в светском звании и посещал общего нашего духовного отца, пустынножителя Адриана (который потом схимником преставился в Симоновом монастыре), тогда много от соживущих с ним наслышался о старце Василиске, что он старец богоугодный и подвизался более всех пустынножителей, и что потому уважают его все за кротость и благонравие его. Мне советовали, если желаю пустынного жития, чтоб не о иным кем, а с ним бы сподобился пожить. Добро бы тебе было, – говорили мне, – если бы он преклонился принять тебя к себе, или хотя бы дозволил жить близ себя, под его управлением и надзором; – но и отчаявались, сказывая, что многие усильно просили его о сем, а он не преклонялся на их прошение и никого не брал к себе. Наслышавшись так много хорошего о нем, я еще более возгорел усердием и любовию к нему, и непременно решился в сердце моем ни с кем ни жить, кроме его.

Однажды, как я был у него, объявил он мне, что паспорту его срок прошел. Я радостным духом обещал ему новый достать; и так нарочно для него пошел весною в самую распутицу; много приходилось пешком идти, потому что за распутицей невозможно было на лошадях ехать весь путь. Доставши новый паспорт, я возвратился к нему больной; тогда он, видя, что я от такого трудного пути заболел, за мое чистосердечное к нему усердие, преклонился принять меня к себе, только наперед советовал поискуситься и навыкнуть в монастырском житии, и потом уже к нему идти. По прошествии года, не имея случая, чтобы кто ему паспорт новый добыл, он пошел сам. Пришедши же к братьям своим не хотел, чтобы кто уведал о нем; оттого никому не показывался, жил у брата в нежилой его келье неисходно, ожидая, пока брат его паспорт ему постарается переменить, но не надеялся когда-либо получить; так почитал себя униженным, ничего не стоющим и не значущим; потому и не имел стол смелого духа, чтобы кого важного попросить о исходатайствовании ему вечного увольнения.

Спустя недолгое время, у городского купца неизвестно где девался сын; тогда по просьбе купца, повелел городничий все дома обыскать, не скрывается ли где; и дошли осмотром и до брата старца Козмы, и когда нашли моего старца Василиска, в особенной келье сидящего, то искатели подумали, что он-то и есть сын купеческий, или иной беглый; взяли его

* Статья пятая.

в полицию; но узнавши, что он сам крестьянской округи сего города Калязина, не могли поверить одним его словам, отослали его в Земский Суд к исправнику, и надели на него сковы, как на беглеца. Тогда старец, хотя по плоти и малодушествовал от боязни, но духом возблагодарил Бога, что сподобил его быть узником. Когда привели его в суд перед исправника и не поверили его словам, велел исправник розгами его сечь; тогда услышали, что он не исправника молит, а к Господу Богу взывает умильными словами, так что всех вокруг его стоящих привел в жалость. Тогда исправник, познав, что невинного его так обидел, тотчас позвал волостного голову и старость, и сказал им: «Зачем такого, желающего Богу служить, удерживают и не дают увольнения?» – и повелел немедленно дать ему вечное увольнение, говоря: «Если общество не примет за него подати платить, то я буду за него вносить». Тогда же и дали ему увольнительный вид, и сам исправник засвидетельствовал, и отпуская его с напутствием, просил у него прощения, что он в неведении так его наказал, и завещал молиться за него Богу. Равно и старец Василиск от всего сердца благодарил его за такую сделанную ему милость, обещая за него Бога молить. Старец, получа увольнение, не долго пожил с братьями, скучая от много-посещающих, и пошел поспешно в пустынные свои пределы, хваля и благодаря Бога, с удивлением к Его Промыслу, как из скорбного вдруг прелагает на радостное! Достигши своего пустынного обиталища, начал в мирном духе жить, мало рукоделием занимаяся, а все время проводил в чтении священных книг, выписывая из них места, угодные его сердцу; молитвенное служение имел продолжительное; сверх канонов и поклонного правила, читал по десяти кафизм, читал же не спешно, так что едва три часа выходило ему в сутки на рукоделие, а сам себе говорил: «Теперь нет тебе извинения, если не молишься Богу, ибо получил увольнение не для работы, а для моления». За это его любил и господин, на даче которого он жил, и все знавшие его; а сам никуда не ходил из пустыни, ничего не просил для пожелания своего, и терпел, всю надежду возлагая на Бога.

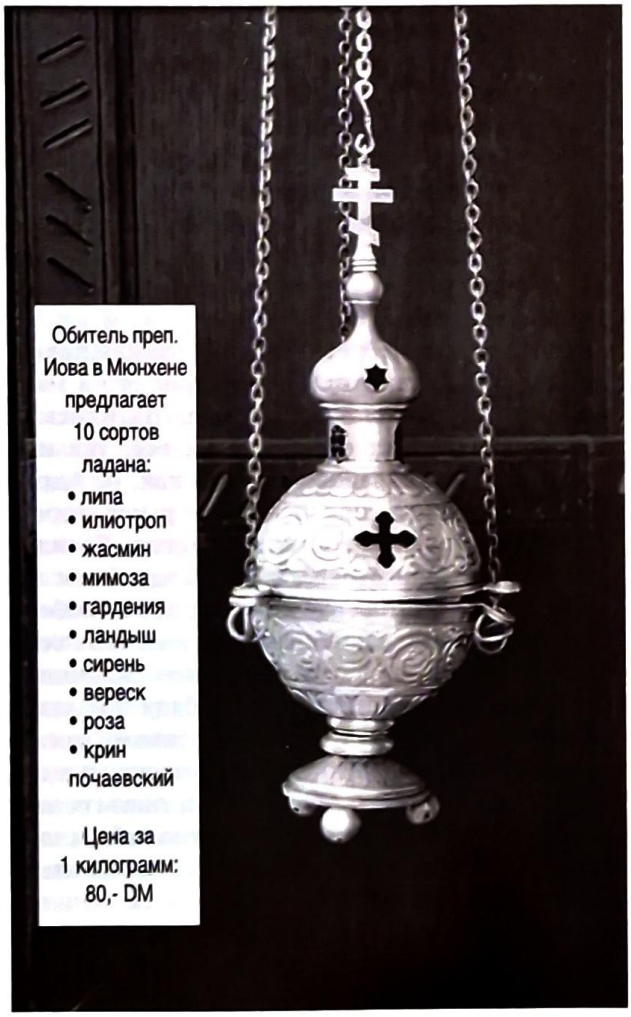
Тогда я, ученик его, по благословению его, уехал в С. Петербургскую епархию в монастырь, именуемый Коневец, и живя там, был в повиновении у упомянутого отца нашего духовного, пустынножителя Адриана, который скоро и поставлен был от митрополита Гавриила Строителем того монастыря. Он же, за нелестное к нему повиновение, любил меня много. Но мне весьма желалось пустынного жития, особенно жития вместе со старцем Василиском; и много раз просился отпустить меня к нему. То о. Адриан всячески уговаривал меня потерпеть, говоря: мы отпросимся для сбора в тамошнюю сторону, тогда и его возьмем из пустыни сюда, я тебя отпущу с ним жить по близости.

Таким образом, по прошествии года, были мы в той стороне и посетили всех пустынножителей; бывши же у старца Василиска, начал звать его о. Адриан, чтоб перешел к нему на житие в монастырь Коневец, обещая, что он более будет успокоен, нежели в пустыни, где, живя один, терпит различные искушения и нужды, да и Богу – де угоднее, когда при отце духовном он пожелает жить, обещая ему в отдаленности от монастыря, по желанию его, кельи поставить в лесу для обоих нас вблизи друг от друга, и меня ему вручить, чтоб я всегда с ним в отшельничестве жил, получая из монастыря все потребное; только по праздникам, если захочем, будем ко всенощному служению приходить, и, по отслушании святой литургии, возвращаться в свое отшельничество; приходя в монастырь, можем с духовными рассудителными старцами духовными беседами пользоваться. И многими такими увещеваниями убеждал его, но он не соглашался, говоря, что он совершенно успокоен и всем доволен и тоже имеет, хотя и не близко соседствующих пустынножителей, весьма его любящих и готовых во всем ему вспомоществовать; особенно же потому не хочет свое пустынное место оставить, что никто ему не препятствует и не смущает, то есть близ него тогда живущих не имелось. Видя его непреклонность, о. Адриан сказал ему: если не послушаешь меня, то отныне не сын ты мне духовный, и не приму тебя на дух, и да будешь ты связан от меня, яко преслушавый своего духовного отца! (он постриг его в мантию). Тогда восплакался старец Василиск и дал обещание ехать с ним; мы все, услыша его согласие, возрадовались, но как, о. Адриану нужно было еще побывать у некоторых благотворителей, то мы и оставили Василиска, чтоб он приготовился к отъезду. Видя же мое великое чистосердечное усердие и любовь к нему, и мое желание жить с ним или хоть близ него, старец потому охотнее склонился послушаться, что при нем и я буду навыкать пустынному житию и радовался такому моему к нему расположению; ибо сам после мне открыл, что он много просил Бога послать ему единодушного брата в содружество, ибо много скорбного и печального и разных искушений недоуменных терпел и многое такое нечаянно нападало на него одинокого; и что он на опыте познал, как нужен брат духовный единодушный, с которым бы о всем таком

случающемся мог бы посоветоваться, и время несносной скуки разделить и сомнительные помыслы вместе обсуживать. Посему-то старец, видя меня так к нему привязавшегося, не хотел уже отказать мне, считая, что, может быть, я Божиим Промыслом к нему в содружество назначен.

И так, управляясь, приехал я за ним, по обещанию ехать с нами. В то время не случилось быть дома господину, на даче которого жил старец; и это было для нас явное знамение Божия благоволения и споспешествования на выезд его, ибо господин никак не согласился бы отпустить и расстаться с старцем; но как сам говорил, взял бы старца в свои покои, пока бы я не уехал обратно; так он любил старца, что когда возвратился домой и услышал, что уехал старец, то весьма тужил о нем и много плакал и скорбел о лишении такого старца; и не только сам, содержавший его, господин, так печалился о нем, но и все соседствующие бояре сожалели о его отъезде. Каково же было провожание от всех пустынножителей, кои не только с хлипаньем плакали о нем, но и рыдали неутешно, так что всякого слышавшего в жалость могли бы привести, ибо во все дни приготовления его к отъезду, все пустынножители и сам старец, видя их безмерную любовь к нему, были печальны, все ходили с поникшею головою, ни на ком не было лица веселого, словно на всех нашло какое несчастие и неизбежная беда, – так о его разлуке печалились! Когда же последнее сотворили целование и пошли все провожать, тогда от нетерпения начали некоторые громогласно рыдать, так что голос плача их разносился по всему пространству пустынному: казалось, что и самое то место оплакивало свое сиротство, и все деревья своими зыблением и перегибанием как бы кланялись, и шум деревьев от ветра словно стенание показывал; все нам плачевное являлось; идущие же такими словами провожали: «Увы нам, не узрим более друга нашего духовного! К кому без него пойдем? кому возвестим сокровенности наши? кто даст нам отныне совет добра? видно, мы недостойны твоего сожития!» – Такое и многое подобное говорили ему, проливая невольные слезы; просили, чтобы хотя помнил их любовь и не забывал их в своих молитвах. И так едва расстались, после долгих проводов; и мы уже из вида их удалившись, все еще слышали голос их плачевного сетования».

(Продолжение следует)



Снимки на обложке

На второй странице:

Наверху: Храм-усыпальница Великой княгини Екатерины Павловны, на Ротенберге близ Штутгарта. *Внизу:* Внешний вид храма Леснинского монастыря (Франция).

На третьей странице →

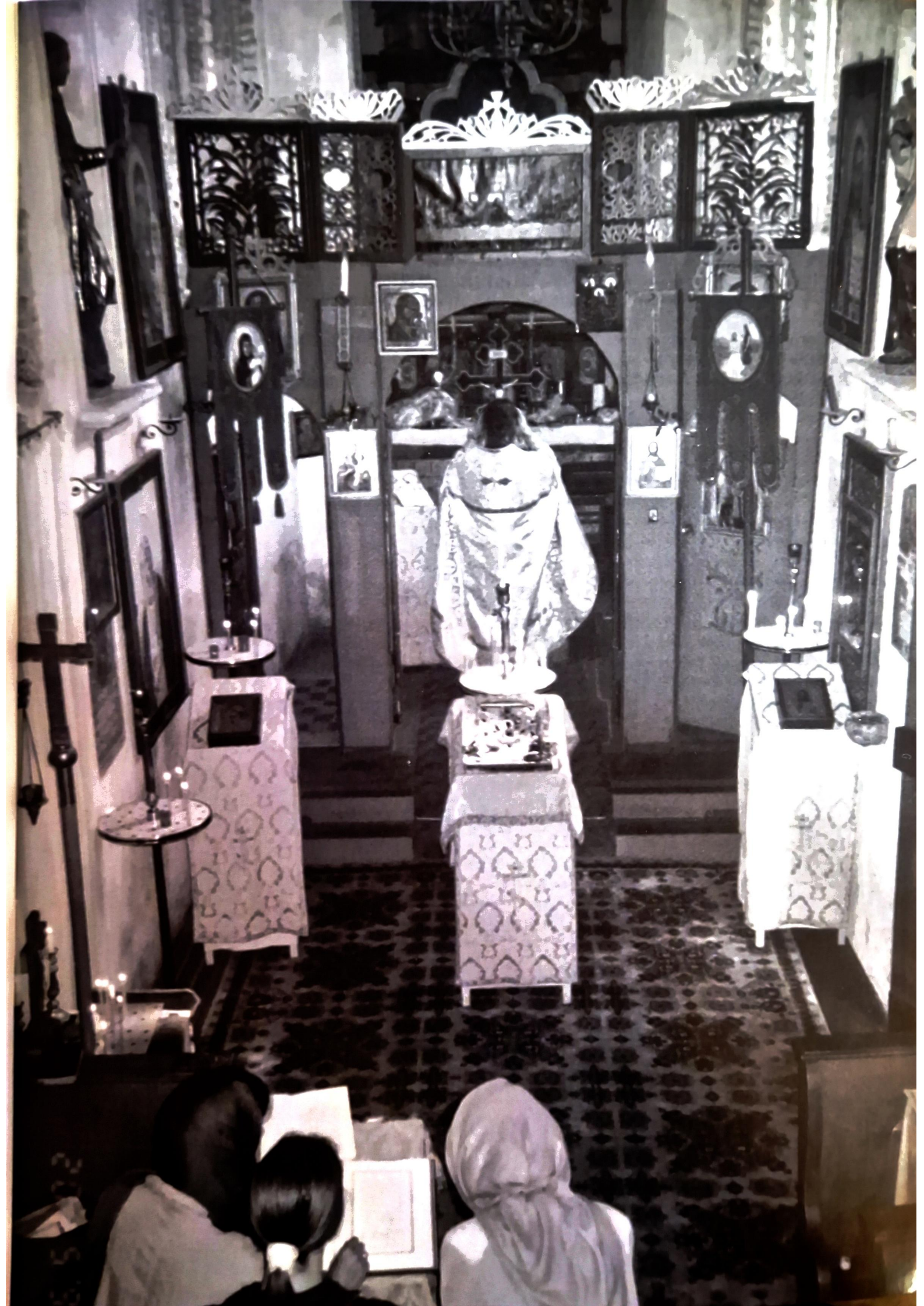
Божественная литургия в храме в Аугсбурге – первый этап путешествия чудотворной Иконы по епархии.

Наш **"Вестник"** является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы **"Вестника"** стараются по совести высказывать мысли согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов **"Вестника"**, но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное Управление, которые не ведут предварительной цензуры, и не могут знать заранее, где и что будет напечатано.

"Вестник" издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на наш счет с соответствующим указанием на переводе. Малые пожертвования возможны в форме почтовых марок.

Счет Монастыря: **PSCHA München Konto Nr. 53031-801**

Адрес Редакции: "VESTNIK"
Kloster des Hl. Hiob von Počaev
Schirmerweg 78
8000 München 60 – Deutschland
Tel.: (089) 834 89 59 Fax: (089) 88 67 77



ISSN 0930 - 9047